

АРИАДНА БОРИСОВА

ПЕРЕКРЕСТЬЕ
ЗЕМНЫХ
ПУТЕЙ

Этническое фэнтези

Ариадна Борисова
Перекрестье земных путей

«ЭКСМО»

2010

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Борисова А. В.

Перекрестье земных путей / А. В. Борисова — «Эксмо»,
2010 — (Этническое фэнтези)

Зло пришло на землю Элен, ожесточив и разделив людей. Добр и честен Атын – искусный кузнец, наделенный истинным даром, но черен его брат-близнец – шаман. Все больше волнуются люди, чувствуя приближение беды, злятся и подозревают друг друга. Даже красавица Илинэ, к которой тянется сердце Атына, оказалась в страшной опасности: ее обвинили в злом колдовстве и умерщвлении старейшины. Все ближе темное время, когда брат должен пойти против брата, недаром шаманы видят в небе, что сами звезды идут войной друг на друга. Грядет великое сражение.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Борисова А. В., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Брешь в таежных вратах	6
Домм первого вечера[1]	6
Домм второго вечера	20
Домм третьего вечера	27
Домм четвертого вечера	35
Домм пятого вечера	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ариадна Борисова

Перекрестье земных путей

© Борисова А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2017

* * *

Брешь в таежных воротах Сказание шестое

Домм первого вечера¹ Есть ли тень у призрака

Власти и силы жеребец пепельно-пегой масти был отменной. Легко ли одному стеречь яловых кобылиц и пугливых маток с лоншаками²? Он охранял их от зверья, в бури-метели прятал с безветренной стороны утесов, не подпускал двухтравных неслухов, без присмотра шатающихся поблизости, а тем паче взрослых чужих жеребцов. Почувяв опасность, вожак поднял голову и беспокойно раздул ноздри. Нет, не пахло злым лесным стариком, не залегшим в берлогу. Не принес ветер и ненавистный запах серой стаи. Чей же наполненный терпкой тревогою дух щекотнул чуткий нос?

Жеребец отогнал кобыл в перелесок и поскакал навстречу незванным гостям. Могучие мышцы крестца вздыбились и заиграли от предвкушения грядущего события. Коль покажется пришлый косяк, жестокая трепка ждет дерзкого чужака, посмеявшегося подвести своих лошадей к занятому в горах пастбищу с заиндедевшей во впадинах травой! Если же приблизились уstraшенные кем-то кобылицы, так неплохо будет пополнить гарем новыми женами... Но тут морду жеребца обдала струя кислого воздуха, знакомо насыщенного перебродившим молоком и железом. Всегда нежданно являются эти двуногие! А ведь казалось, тягостные мысли о них за лето выжгло солнце!

Вожак застопорился, взрыв копытами стылую землю. Кольнула досадная память о том, как двуногие приучали его к послушанию. Дикий норв был обуздан не сразу и не вовсе, однако в той мере, чтобы не чинить людям препятствий в отборе, производимом в косяке ежегодно...

Путники залюбовались красавцем, что с яростно выкаченными глазами выскочил на тропу. Взвеваясь по ветру дымчатая грива, по высеребренной дневными лучами шерсти разбросались приметные пежины. Трепеща ноздрями, вожак захрапел для острастки на взлявшую собаку и повернул к оставленным женам.

Прошлой бурной, многоснежной зимой трое друзей – Дьоллох, Атын и Билэр – помогали табунщикам возить сено для подкормки бродячего молодняка и жеребят. Этот блудный косяк едва нашли. В завьюженных горах тяжело добывать пищу. Немудрено копыта разбить о камень, да и какая пожива с тверди, известно скупой на мураву? Но хитроумный жеребец разведal, что в широких изложинах южных склонов снег хоть и глубокий, но рыхлый, а смерзшийся травяной слой под ним толст и ломок. Получше тебенёвка³, чем на болотине. Путаные лабиринты вытоптали лошади в сугробах между горными грядами, так что снизу распадки казались вышитыми опоясками в крутых великанских боках. Спугнешь кобыл – скрыться успеют, уйдут вслед за своим повелителем вверх по тайным тропам. Пока люди присматривались, над снежной гладью вынырнула голова сторожкого жоака. Он и в тот раз издаleка их почуял, догадался о подспорье по запаху привезенного сена. Тогда-то небось не ярился, особым раскатистым ржаньем созвал косяк...

¹ Толковник переводных слов и определений со сведениями о народах, населяющих северо-восточную часть Орто, о божествах, духах и др. находится на последних страницах книги.

² **Лоншак** – жеребенок до года.

³ **Тебенёвка** – зимняя пастьба лошадей.

Нынче же снег задержался. Коровий месяц подошел к концу, а небо не торопилось набросить на землю пушистую доху. Мрачно чернел Великий лес, едва прикрытый рубищем палой листвы. Днем было ясно и холодно, ночи морозно потрескивали обледенелыми ветками. Лошади на равнинах маялись жаждой и трудно добывали воду, сообщая прорубая копытами полыньи в промерзших озерах. А табунок пегого жеребца доверился горам, поднялся к вершинам и пил хрустальную воду высокогорных тарынов⁴, не подвластных ни солнцу, ни зимнему сну.

Парни и травник Отосут приехали сюда по наказу малого схода. Жрец должен был осмотреть лошадей и заодно провести обряд заклания против хищников. Другим аймачные старшины поручили пригнать в долину жеребых кобыл под домашний надзор и жирных яловых кобылиц на убой.

Круглый год вольно пасутся лошади вдали от нечистого человеческого жилья. Им редко грозят недуги. Осенью особенно приятно глянуть на округлые крупы с пышными метлами отросших хвостов, на игру мышц, меховыми мячами катающихся в спинных изгибах. Густая шерсть не дает мерзнуть нагулянному за лето жиру. Наверное, люди саха потому так стойки к стуже, что питаются самым здоровым и сытным мясом, какое только измыслили светлые боги. Табунщики различают девять степеней упитанности круглокопытных. Желательной тучности лошади достигают к началу зимы. В это время их плоть нежна, а сало под холками с ребро ладони. Вот только чересчур боязливymi становятся грузные кобылицы. Случается, чего-нибудь испугавшись, несутся сломя голову и погибают от разрыва крытых многослойным жиром кишок.

Дородность лошадей зависит от пастбищного выбора вожака. Но сам он, кроме шадящего хорея, не познает ни кнута, ни стрижки и умрет собственной смертью, когда к нему в должный срок прискачет Ёлю. Люди снимут с четвероногого старшины красивую седую шкуру и предадут земле его тело с почестями и песнями, как полагается на похоронах вождя. Гордый дух старого жеребца снова послужит людям в туго натянутом табыке, призывая их к праздникам или, может быть, к войнам...

Отогнанный вожак косяк вернулся. Парни спешили в сосновом перелеске, что неплотной каймой охватывал край горы. Под гривами выносливых верховых было влажно, но не мокро. Значит, скоро остынут, изживут потную усталость и ввечеру допустятся к подножному корму. Добрая, говорят, пара – сытый всадник и голодный конь. Любому мальцу известно: перед длительной поездкой коня следует промять, подготовить к долгому пути в коротких пробежках. А после трудной дороги дать время выстояться без пищи и питья, не то взопреет и на глазах покроется взбухающими нарывами.

Старейшина Силис с согласия багалыка разрешил парням выбрать стригунов под седло. В предгорной долине встретилась кучка любопытного молодняка. Неприкаянные жеребчики, отбитые от табуна ревнивым вожакom, увязались за людьми. Недолго было размотать на ходу тонкие ремни, связать скользкие петли так, чтобы головы входили свободно.

Казалось, метать не будет нужды, сами подставят под накинутае ужища покорные выи. Ан нет, лишь послышался посвист арканов – камнепадом застучали копыта, врассыпную брызнули испугнутые лошадки. Не сразу затянулись петли над теми, на кого пал выбор, и ремни накрутились на крюки седельных луков. Теперь три стреноженных стригуна стояли рядом с верховыми, дико кося глазами, боясь даже малым прыжком двинуться с места. Пока день был в разгаре, парням не терпелось объездить их мордами к солнцу, дабы никакие тени пугливых не тревожили. Сбили покуда шалаш с толстым сосновым ложем, наполнили бурдюки свежей водой. Натаскали гору сушняка – до утра хватит костер кормить. Еле дождалась похлебки. Дьоллох торопливо сдернул бурлящий котелок с рогули и пролил часть варева.

⁴ Тарын – выпотевание воды на поверхности льда в водоемах горных речек.

Отосут с толком-расстановкой собирался пообедать после благодарения местных духов. Наблюдал, как друзья обжигаются горячей похлебкой, и не мог удержаться от смеха. Потом подумалось с грустной в душе улыбкой: отчего старики живут не спеша, будто впереди их ждет еще добрый осуохай весен, а юные мчатся, точно на пятки им наступает ножища Ёлю?.. Одернул себя: не след, творя молитву, послаблять голову досужими мыслями. Надо покумекать, где будет складнее звучать заклятие – важное вспоможение к зиме радетельному вожаку. А ускачут сорванцы удаль тешить, закутается жрец в шкуры и подремлет на упругом лапнике, набираясь сил у здешней земли. Неизвестно еще, добром ли примут долинных гостей нравные горные духи.

Пес Мойтурук сообразил, что парни куда-то наострились – взволновался, свернул кольцом пушистый хвост и замельтешил вокруг. Радостно покусывал переметные сумы, волок зубами хворост: глядите, и я стараюсь, так не забудьте меня в забавах! Но впустую чаялись собачьи надежды – молодой хозяин велел сторожить лагерь и травника. Обиженно скуля, Мойтурук уткнулся Отосуту в ноги. Не хотел видеть, как веселый Атын взнуздывает жеребчика. Даже горсть сухого творога – остаток скудного жреческого обеда – пса не утешила.

Едва травник допел последнее слово молитвы, парни запрыгнули на необъезженных лошадей и стиснули коленями тугие бока. Удаляясь по черной тропе, яркой поземкой взвихрились белые бабки мышастой лошадки, залученной Билэром. За нею улетел поджарый, темно-серой масти стригун Дьоллоха. Россыпь светлых пятен по пепельной шерсти Атынова избранника указывала на ближнее родство с пегим вожаком. Запрокидывая голову, жеребчик попытался встать на дыбы, но передние ноги перебрали воздух и гулко стукнули о землю копытами. Конек заржал изумленно, жалобно – острые железки удил больно врезались в губы. Седок удержался, стукнул строптивного в брюхо пятками. Тот снова издал пронзительный крик, будто провизжала тринадцативёсная деваха, которую ущипнули за округлившееся бедро...

Жрец качнул головой. Только б не сверзились наземь с незаседланных. Ну да был бы, говорят, нож отлит, а ножны найдутся, был бы объезжен конь – сладится седло! Скоро новехонькое конское снаряжение закрасуется на столбах в мужской половине юрт. К возвращению домой капризные стригуны приучатся к сбруе и грузу, перестанут брыкаться, завьюченные, катаясь по земле. Если зима выдастся не слишком морозной и станет надобность в дальней поездке, будут готовы проходить под поклажей столько кёсов, сколько выдержит всадник.

Нет крепче и закаленнее лошадей, чем коренастые, длинношерстные лошади народа саха, зимою схожие издали со стогами сена, летом неприметные в разнотравье аласов. Нет сметливее их, диких, но не лютых, понятливых в укрощении и муштре. Ни в пище, ни в крове не зависят они от людей и были бы свободными детьми Бай-Байаная, да людям без них не прожить.

* * *

В развилке троп всадники унесли в разные стороны. Поди-ка найди их теперь в путанице звериных и конских дорожек, источивших предгорье, как жучки большое дерево! Придерживая жеребчика, Атын тщетно вглядывался в редколесье, надеясь увидеть друзей. На свету в проемах тропинок иногда вырисовывались четкие фигурки ветвисторогих – то выскочит тонконогий гуран, то статный изюбр качнет новым кустистым венцом, но человек на коне не показался ни разу.

Атын настороженно прислушался к себе и рассердился. Измаяла душу потребность жаться ближе к людям из страха уединения. Надоело бояться близнеца, будто малыш тем-

ноты! Вдруг пришла странная мысль: а не придумал ли он, Атын, сам двойника? Может, нет его вовсе, а есть еженощный ужас, непрестанный морок, которому он дал зачем-то имя и облик?..

Да, но вечным напоминанием о Соннуке висит на спине обруч с мешком, полным одежды на случай его неожиданного явления... Встряхнувшись, окоротил себя: не ворожи, не приманивай призрака!

Расслабились поводья, и пегий поскакал наперегонки с ветром. Шапка срывалась, в ушах свистало озорно и щекотно. Жеребчик был испуган и разозлен, но не поддался ярости. Выбирал дорожки прямые и надежные, опасаясь шею свернуть ненароком или глаз выхлестнуть веткой. И седока, таким образом, поберег. Атын прижался к теплой шее конька. В какой-то миг почудилось, будто слился с мускулистым лошадиным телом, уподобился могучему Кудаю и несется, взметая копытами железную окалину с троп холма о трех поясах. Бегущий навстречу лес расступался нескончаемым сквозным коридором. Впереди ослепительно-белым шаром катилось косматое солнце... И звонкая радость наполнила душу, а на ум пришло крылатое имя для того, кто был живым и настоящим.

– Ты – Дайи́р, – шепнул Атын в притиснутое к затылку ухо стригуна. – Дайир, что значит Парящий!

Конь побежал весело, вольготно, забыл о гнете, вправду полетел-запарил по-над лесом. Дыхание Атына зашло в ветре, прутками визгливого воздуха засекло лицо!

Но понемногу Дайир перешел на рысь, затем на шаг и, наконец, побрел, спотыкаясь, как дряхлый одер. Быстро выдохся с непривычки по первому разу. Не столь был еще крепок, чтобы долго скакать с тяжестью на хребте. Атын слез и, взяв уставшего стригуна под уздцы, неспешно двинулся рядом. Тот окатил разгоряченную щеку влагой шумного вздоха, мягко торкнулся мордой в плечо, то ли жалуясь, то ли ласки ища. Признал хозяина.

Погладив красавца по белой проточине, льющейся меж глаз к ноздрям, Атын взьерошил его взмокшую холку. Подумал, что не даст холостить и стричь весной. Пусть грива Дайира растет вольно, как у отца-вожака, серебристым облаком дыбится над головой в прыжке и крутой остановке. Хотя, конечно, красивая внешность скакуна и проворные ноги с крепкими сухожилиями не залог выигрышей на скачках. Сила сердца, легких и духа, дерзкое стремление первенства – вот что умножает волю к победе. А потому за Дайиром нужно ухаживать как за дитятей, не пресекая желания быть обласканным, обучать с дальним прицелом и на празднике Новой весны опробовать в состязаниях. Надо вызнать секреты у тех витязей в дружине, что присматривают за боевыми лошадьми. Полученные от сильных маток и жеребцов, они содержатся в особой заботе. Ботуры, поднаторелые во возвращении коней, знают, сколько кёсов ежедневно должны одолевать отборные верховые шагом и бегом, когда следует кормить их жестким или мягким сеном, а когда сдобрить корм целебной накипью, снятой зимой со льда соляного источника. Летом Атын часто видел, как седые вояки купают лошадей в реках, вдосталь дают поваляться на горячем песке и после чистят шкуры скребнищами. Боевые кони – лучшие скакуны. Подчиняются едва слышным командам и легким движениям всадников, умеют молниеносно останавливаться и разворачиваться на ходу, по приказу ложиться набок, подобно спящим и мертвым... Ничего не боятся. Отвагу и мужество им прививают, приучая к огню, звону клинков и неумолчному бою табыков. У ратных круглокопытных свое Посвящение, и однажды усвоенное они никогда не забывают.

Приятные думы остались за поворотом тропы. Атын почувствовал озноб. Холод пролился по животу, промозглой зябью проник в колени. То, что телу сразу стало просторнее и легче, совсем не обрадовало. Дайир забеспокоился, всхрапнул и попятился со вскинутой головой: чего-то испугался. Вернее, кого-то...

– Зачем ты вышел? – хмуро спросил Атын, не оборачиваясь, и снял с плеч мешок со скаткой одежды. – До твоего времени еще полдня.

– До твоего времени! – передразнил двойник, стуча зубами и в злобном нетерпении подпрыгивая на мерзлой земле. – Оправдываться велишь? Что же мне, живущему, будто в темнице, вовсе заказано наслаждаться солнцем, общим для всех?

– Наслаждайся. Только молча, если ты хоть немного на это способен!

Атын бросил мешок и едва не угодил близнецу в лицо. Тот извернулся, выбросил вперед руку, поймал мешок за ляжку, дернул узел-туомтуу, спеша одеться-обуться. Он всегда мерз, зато не знал человеческих хворей. «Только воины могут похвастать умением облачаться так споро», – подумал Атын со смесью уважения и досады.

– Я хочу покататься на нашей лошади, раз уж ты, как всегда, не подумал обо мне и не взял вторую, – заявил Соннук.

– Дайир утомился.

– Хм-м, Парящий! Ты не соизволил посоветоваться со мной и дал кличку сам! Не настолько он заморен, чтобы не выдержать мой вес! Я вполтину легче тебя.

Двойник лгал. По весу братья в последнее время почти сравнялись.

...Атын тщетно силился сделать Соннука настоящим человеком, год за годом призывая к колдовству шаманские умения и кузнечные инструменты. Снова и снова врывается в темя двойника молния отраженного Сюра, снова огненная боль и хрустящая ломка сотрясали тела близнецов. На поверхностях граней волшебного камня бушевал поток, багровый, как кровь, а внутри было пусто и холодно. Наверняка существовала иная передача духа жизни, которая могла бы даровать плоть и силу призрачному телу, но Сата ее то ли не ведал, то ли не хотел открывать. Атын же и подавно не знал.

Каждый раз, поднимаясь с наковальни и становясь против света, Соннук спрашивал замирающим голосом:

– Есть у меня тень? Есть?!

Сам посмотреть не мог, слишком большая была пытка.

Юный кузнец молча опускал виноватую голову, не в силах глянуть в полные мольбы глаза близнеца, и они наливались отчаянными слезами. Вот что было в нем настоящим, как у всех людей – слезы, выжатые из крови для освобождения ее от горечи.

Но не зря говорят, что частые слезы, облегчая сердце плачущего, попутно отмывают сострадание ближнего. Пришло время, когда Атыну начали претить бесконечные стоны брата. Заметив это, разобиженный Соннук прекратил просьбы дать ему настоящую жизнь и прибегнул к другому средству. Женщины стали удивляться, куда к утру исчезают оставленные с вечера на полке молоко и мясо. Соннук, прежде до еды не охочий, стал жадно поглощать снесь, спрятанную братом в условном месте, а заодно и то, что было уготовано домочадцами к завтраму.

Олджуна допытывалась у пасынка, и пришлось соврать, что ночью на него нападает неодолимый жор, заставляя сметать остатки ужина. Не объяснить было Соннуку, что обыкновенная пища не вылепит осязаемое тело, если не помогает и чародейство двойного джогура.

Братья, разные во всем, кроме обличья, с первого же дня взлелеяли одну на двоих страстную мечту – освободиться друг от друга. Но Соннук страшился, что не выживет один, а Атын боялся, что близнец учинит без призора какую-нибудь каверзу. Двойник повадился вылезать наружу в любое мгновение, едва впереди начинало брезжить безлюдье, и развлекался тем, что изводил брата колкостями и попреками. Лишь благословенная ночь дарила Атыну временное спасение от докучливого близнеца. А тот шатался по кузнечному околотку, с тоской и завистью подсматривая в чужие окна. Ущербная душа до утра наполнялась радостями и печалью обманчиво близкого и несбыточно далекого бытия, что сияло живо и многоцветно. Собаки привыкли к странному созданию, бродячим обрывком тумана скользья-

щему на ладонь от земли, бросили лаять впустую и признали своим. Осмотрительный Соннук не заходил дальше околицы.

Нередко во дворах происходили всякие несурзности. Люди приписывали их проискам проказливых бесов. Немудрено, что вещи порою переставляются с места на место или в коровниках учиняется переполох. Там, где обуздывается железо, довольно мстительных рудных духов, да и в юртах горазда озорничать мелкая нечисть. Спыхватываясь, хозяйки угощали домашних пакостников свежими сливками, кузнецы ретивее окуривали-заговаривали железо.

Правду молвить, Атына немало удивляло, что невыносимая скука еще не понудила Соннука к крупным шалостям. От утреннего его пустословия никакого спасу не было. Чего только Атын не наслушался, каких только неволью не вызнал секретов – глядеть соседям в глаза было совестно! Жена молотобойца Бытыка, черноглазая Дяба, снова миловалась в зародке с плавильщиком Кириком... А седой Балтысыт, не страшась греха, спит в одной постели с обеими старухами-женами, согревает мерзлячек теплом, набранным днем у жаркого горна... Кто б другой полез с подобными сплетками, немедля получил бы по любопытному носу! Атын готов был уши мхом заткнуть, однако бесстыжая болтовня давала понять, что, слава богам, сам близнец ничего худого не натворил.

Иногда на двойника находила добрая прихоть. Тогда он тихонько доделывал за брата какую-нибудь работу. Холодными ночами топил камелек вместо непробудно спящей Олджуны, подвешивал к теплу кинутую в угол Тимирову одежду, о которой баджа забыла побеспокоиться. А чашку воды занемогшей Уране всегда рад был поднести...

За все пять весен те, кто когда-либо мельком примечал Соннука, и краешком не заподозрили в нем другого, такого же, как сын хозяина. Кузнецы, включая Тимира, полагали, что это сам Атын. Считали его страдающим лунной болезнью – хождением во сне.

Этой весной Атын понял: больше так продолжаться не может. Да и какое бы естество смогло выдержать столь странное существование? Без того не отличаясь миролюбием, близнец сделался невыносимым. По привычке рассказывал о прошедших ночах, но явно чего-то недоговаривал. Встревоженный Атын попытался украдкой наблюдать за ним. Напрасно – чуткий двойник сразу обнаружил слежку и конца-краю не стало обвинениям, в коих он находил изощренную усладу.

Нескончаемой мукой в мыслях и наяву был теперь Соннук, обретший не просто вкус к жизни, а безудержную, звериную тягу к ней. Ему хотелось уже не трогать и ощущать, а жадно рыться, рвать, мять и трепать; не отведывать и вкушать, а ненасытно грызть, жевать, жрать, лопать... Сонм вожелений въедался в душу, не имеющую земного, ключевого начала. Так поросль камыша поглощает некогда плодородную аласную землю, яростно визжа под острием горбатого батаса: «Жить! Жить, жить, жить-жить-жить!» Коси не коси, вредоносный камыш в конце концов берет свое, забивает собой заболоченное угодье...

Неполноценную плоть близнеца восполняло, взбухая и наливаясь черною силой, зреющее лихо, а Атын все ждал внезапного чуда. Казалось, вот придет оно, посланное светлым провидением, и не даст гибельным завязям подняться побегами, пустить ползучие корни в земле долины.

Что ни день, к губам двойника плотнее прикипала желчная ухмылка, будто дразня: «Знаю о думах твоих, знаю – извести меня хочешь!» В смятении Атын всматривался в глядельце, ища на своем лице такую же гримасу. А не было ее. Потому что и дум лукавых не было. Напротив, все чаще повзрослевший парень ломал голову над тем, как спасти несчастное свое творенье, вытянутое из инобытия вопрекор божьему замыслу. Большой половиной Сюра и весен готов был поделиться, если бы свыше чуть-чуть приоткрылась завеса над тайной создания настоящего человека. Мечтал вызволить брата из полужизни, из трясины маня-

щих страстей, привести его к людям и все рассказать. Пусть наказывают, пусть хоть навсегда выгонят обоих... Любую цену заплатил бы Атын за спасение Соннука.

Любую – кроме одной. Не раз вспоминался белоглазый искуситель. Атын ждал его появления с ужасом в сердце, но чужеземец не явился в этом году на торжища, не потребовал отдать волшебный камень. Память подсовывала видение вздыбленной земли за спиной хохочущего странника. Атын решил: он не отдаст Сата, даже если этот демон пообещает исправить жизнь ему и брату от начала зарождения. Не могла бесценная Элен быть платой за избавление от страданий двух измаянных на Орто душ. Да и ни за что другое на свете.

Пока размышлял, на него из глядельца смотрело раздраженное, осунувшееся от вечного недосыпа лицо. Его лицо. Достать из кошеля на груди Сата и заглянуть в волшебные грани Атын не решался, почему-то уверенный, что увидит такое, отчего вовсе лишится сна.

...Крупно дрожа и приплясывая в страхе, стригун сделал попытку вытолкнуть удила к зубам и встать на дыбы, как в начале объездки.

– Надо было назвать его Трусливым, – пробурчал Соннук.

– Грех ругать невинную лошадь.

Предостережение прозвучало втуне. Двойник нарочно замахнулся на жеребчика:

– Стой, тварь с заячьим сердцем, уж я-то научу тебя повиноваться!

Тот шарахнулся в сторону. Атын едва не задохнулся от гнева:

– Не смей!

Двойник, кажется, больше удивился, чем осерчал. Отступил и неожиданно рассмеялся:

– Не верю ушам! Неужто какое-то дикое, безмозглое животное дороже тебе, чем я, такой же, как ты? – Поправил себя: – Почти такой же. Разница в том, что я умнее. Если бы ты не забрал мой джогур...

– Ты сам всучил его мне, даже не предупредив, – напомнил Атын.

– Неблагодарный! – всплеснул Соннук руками, скрывая злость под дурашливостью. – Как бы то ни было, он у тебя, рядышком с твоим, кузнечным... И Сата лежит в кошеле на твоей, а не на моей груди! Из-за того, что ты присвоил мой шаманский дар, я не могу камлать. Думаю, было бы справедливо отдать камень мне. Неравноценный обмен за джогур, но я мог бы с помощью Сата сам творить волшебство.

– Не ты нашел камень, – твердо сказал Атын.

– Не я, – близнец сощурил глаза, блеснул ими насмешливо и надменно. – Помню, не я... А ты-то помнишь ли, что обещал отдать свою находку кому-то? Но не отдал.

Сердце Атына сжалось, кровь прерывистыми толчками побежала по жилам. Стараясь не выдать страха, дрогнувшей ладонью погладил стригуна по ганашам. Жеребчик притих, стрельнул смышленным глазом сначала в одного двуногого, потом в другого. Уши поднялись и вслушались в смешно стрекочущую человечью речь.

Соннук промурлыкал:

– Все блестит, словно солнца луч, венец золотого шатра, в нем живет одинокий хан без солнца в разбитой душе...

Эту песню пел на позапрошлых многолюдных торгах человек из племени орхо. А минувшим летом базар прошел вялый, неспрадный. Не приехали кузнецы орхо. Не было и пронырливых нельгезидов из-за дуги моря Ламы, хотя до того не пропускали торжищ. Напрасно охотники всю зиму собирали красивую меховую рухлядь в обмен на чудесный шелк из страны Кытат для жен и подруг.

На второй торговый день из восточной стороны Великого леса прикочевали тонготы. Они принесли в Эрги-Эн страшную весть: знаменитый город Черная Крепость разрушен неизвестными врагами. И не просто разрушен, а стерт с лица Земли вместе с золотым шатром вышиною до неба и дружиной, числом как звезды над той стороной. То же подтвердили двое шаялов, слышавшие у себя о лихе, постигшем народ орхо. А о причине отсутствия нельге-

зидов вообще никто не знал. Не сбылись опасения жрецов, которые предсказывали неприятности на торгах, и на том благо.

...На предыдущем, ярком торговом празднестве Атын встретился с белоглазым. При разговоре с ним в кошеле на груди мальчика лежал закостенелый человечек. Казался неживым, но, значит, все слышал?

– Я никому ничего не обещал, – сказал Атын.

– Ой ли? А ведь кое-кто сулился прийти за Сата.

– Странник не пришел... Откуда ты знаешь о нем? Тебя такого, какой ты есть теперь, тогда не было, – не стерпел Атын.

– Может, это тебя не было? – ощерился близнец, мрачно глянув исподлобья. – Может, это я разговаривал со странником, а ты сушеным трупиком лежал в кошеле?

И засопел, надвинулся темною тучей, не в силах превозмочь гнева:

– Это я, я изначально, в лоне матери нашей Ураны досоздал тебя из своей плоти и крови! А после ты и дар мой захватил!

– Мне надоело виниться перед тобой в том, чего я не признавал! – вспыхнул Атын.

Губы едва судорогой не свело от желания сказать что-нибудь жгучее, веское, что пало бы на сердце камнем, да и выплеснуть в честной схватке накопленную боль. Но скрепился, сглотнул колючий ком обиды:

– Ты когда-то пытал меня, кто ты такой...

Двойник склонил голову набок и скривился во всегдашней ухмылке:

– Ну же, кто я?

– Ты – оборотень!

– Вот как, – Соннук тяжело помедлил. Тоже, видно, переживал мятущиеся в груди, чреватые дракой порывы. – Оборотнями бывают люди со звериным нутром... Ты хочешь сказать, что я не человек, а зверь?

– Не человек и не зверь. Существо. Злобное... никчемное существо.

– Легко же ты, добренький, бьешь в мое больное!

Харкнув на тропу, близнец растер плевком носком дырявой обуви.

– Ну да, я – существо... А ты? Кто ты, своевольно замахнувшийся на священное дело Творца? Известно ли тебе, что без любви даже в естестве не получаются настоящие люди?

Глянул затравленно и в то же время пронзительно – глаза как ножи:

– В твоих домыслах есть доля правды... Ты и твой оборотень, то есть я – один человек. Должно быть, я в твоём воображении – ты сам навыворот. Но скажи: кто из нас в таком случае настоящий? Тот, кто притворяется человеком, или тот, какой есть по правде? И что это на самом деле такое – Человек?

– Устал я от тебя, Соннук, – вздохнул Атын, слабея.

– Я не Соннук! Не такой же, как ты! – на пределе голоса взвизгнул близнец. – Я не двойник, носящий личину! У двойника не может быть своего лица, а наши лики одинаковы, потому что одночашные братья всегда схожи! Но мы слишком разные люди, и я тоже устал от тебя до смерти!

– Так убей, – спокойно сказал Атын.

Соннук подъял кверху бескровное лицо, словно призывая небо в свидетели:

– Хитришь! Будто не знаешь: Ёлю у нас одна! Если ты умрешь, сгину и я, хотя мне уже не нужен твой отраженный Сюр...

Он запнулся, сообразив, что обмолвился. Морщась, признался нехотя:

– Я научился добывать сок жизни у спящих животных... Беру понемногу и никому не причиняю вреда. Глупые коровы привыкли и почти не замечают, когда острое батаса прокалывает им кожу на шее. Надо просто знать, в каком месте проткнуть, чтобы не текло сильно, а потом залепить ранку смолой.

Атын отступил. Притянутый за повод жеребчик вновь начал тревожно перебирать ногами.

– Ты... ты высасываешь у них кровь?!

– Да, а что? – хищно ухмыльнулся Соннук. – Живая кровь очень теплая и вкусная. Она такая у всех, кто по-настоящему жив. Но разве тебя это пугает? Не притворяйся, брат! Ведь и ты не безвиновен. Еще до рождения ты пил кровь из меня!

– Ты и впрямь зверь... хуже зверя.

– У тебя целых два джогура. У меня ни одного. Отдай мне камень и коня. И я уйду.

– Чтобы ты замучил Дайира?

Атын содрогнулся. Он только тут сообразил, почему Соннук так потяжелел этой осенью. Братец нашел снадобье, способное налить жизнью плоть, меркнувшую без отраженного Сюра! Снадобье, которого вдоволь там, где есть живые создания.

Сам догадался или надомнил белоглазый? Кто-кто, а уж Атын знал, как странник умеет заставить действовать даже вопреки собственной воле. Неужто он появился в долине?..

– Ну и ладно, получше коня себе возьму. – Соннук протянул руку ладонью вверх, но жест был не просящий, а повелительный. – Отдай то, что тебе не принадлежит.

– Ты не получишь Сата.

Пальцы простертой руки скрючились и приблизились к лицу Атына. Близнец зарычал, как лесной старик:

– Мой камень! Мой!

Ополоумевший конек рванул поводья. Атын невольно отшатнулся и заслонился вскинутым локтем. Казалось, двойник собрался прыгнуть и вгрызться в шею брата. Колени согнул и уже обе руки с силой вышвырнул вперед. Стало слышно, как в груди его бурлит, kloкочущим хрипом исходит мощь краденого сока жизни:

– Сата!!!

Атын впервые видел Соннука таким страшным. «Меня отдали в семью Лахсы, чтобы злые духи не взяли, – подумалось отвлеченно. – А я, глупец, сам себе смастерил злого духа!» Кое-как сдержал сумасшедшую пляску Дайира. Хлопья алой пены легли на плечо: конь все-таки порвал губу железкой и на весь лес заверещал от боли, а больше того от смертного страха.

Соннук опомнился, откачнулся. Лицо блее бересты. Помотал головой, вытряхивая из нее остатки временного помраченья. Пятясь с выставленными вперед ладонями, заговорил сипло и трудно:

– По глазам вижу: думаешь – людоед я... Не на шею твою я смотрел – на кошель... Справедливости ждал от тебя. Чаял – отдашь Сата, уйду подобру. Но нет... Нет – как всегда! Вот и сорвался... А ты гонишь теперь. Обобрал до последнего и гонишь с пустыми руками. Что ж, уйду и с пустыми!

Повернулся и зашагал по конским следам с напряженно выпрямленной спиной. Уверенно и увесисто впечатывал в землю подошвы драных торбазов. Чуть отойдя, оглянулся. К изменчивому лицу вернулась надломанная ненавистью усмешка. Глаза горели больным огнем.

– Знай, Атын, брат оборотня и людоеда! Сата предназначался мне и будет моим! И тогда держись! – Он затряс над головой кулаками, грозя неведомо кому: – Держитесь все вы, не видящие во мне человека!

Атын молча смотрел в проем тропы, где все так же сверкала нечесаная грива солнца. Облитая лучами фигура близнеца отчеканилась на свету. А по земле скользила тень. Тень – подтверждение настоящей жизни на Орто, дневное напоминание о ночи. Темная и плоская, как полагается быть всякой тени – отображению против солнца всего сущего, что имеет

живую плоть и кровь. Тень вытягивалась из-под ног Соннука и, повторяя его походку, одинаковую с походкой Атына, бежала рядом, как преданная собака.

* * *

Отосут кропил землю кумысом. Несся и крался по кругу в зверином танце, страшно рыча, к беспокойству Мойтурука. Изображал то медведя, то волка, возвращался назад, клал зубами и громко нюхал воздух. Проверял, крепко ли встает за словами заклятия стена невидимых коновязей, и дальше кувыркался-плясал с молитвой.

– К ярусам высоким взвейся, слово просьбы-заклинанья, заплетись узлом-туомтуу на лучах горячих солнца, на поводьях Дэсегей! Сын Творца, молю нижайше: охвати дыханьем теплым здесь живущих долгогривых – пегого и жен послушных, их детей, что есть и будут! Пастбища на горных склонах окружи кольцом незримым, стерегущим частоколом из священных коновязей с восьмирядною резьбою! Девять раз порушь клыкастых, восемь раз побей когтистых, разгромай семь раз коварных, потаенных, хищно ждущих черного покрова ночи!

Остался доволен. Согласно кивали лохматые сосны, участливым эхом отзывались горные духи. В завершение Дэсегей весть подал, откликнулся голосом пегого вожака: замкнулось кольцо. Всю зиму до следующего прошения, куда бы ни отправился косяк, не станет хода к нему бесам и хищникам.

Когда ущелья затопила первая волна сумерек, жрец дал верховым воды и мелко сена. В тревоге взгляделся в синий просвет над тропинкой, снял с рогули кипящий котел. Ароматный, приправленный дымком запах похлебки поплыл по вечернему морозцу, щечоча ноздри северного ветра.

Мойтурук растянулся у костра, с удовольствием потягивая носом вкусный воздух. Зевнул понятиливо: ты, Отосут, еду караулишь, а я тебя сторожу. Честно приказ выполняем, ребят ждем... И встрепенулся, залаял, унесся радостно в густеющую тьму – явились конники! Познали стригуны хозяйское бремя на праздных дотоле хребтах. Всадники в отдельности мотались по тайге окрест и лишь недавно встретились на распутье.

Атын, угрюмый и молчаливый, рассеянно слушал трескотню друзей. Билэр весело сетовал, что не взял с собой лука – знатен зверьем оказался здешний непуганый лес. То-то нескучное заделье найдется завтра охотничьей снасти!

Дьоллох взволновался, приметив пасмурность брата. Подступил было с расспросами, да отвлекся на похлебку. Спихватился, уже черпая со дна, глядь – место рядом опустело. Атын, разморенный горячей едой, успел залезть в шалаш. Вскоре и Билэр засвистел в шалаше простуженным носом.

Пока сидишь, не чувствуешь сытости, а встанешь – тяжелят сонливость и лень. Дьоллоха томило нытье в больной спине. Боялся лечь рано, бессонницей известись. Отосут заварил какое-то снадобье, велел выпить и погодить со сном, пока с ног не свалит. Посоветовал песню хорошую спеть, не втуне время пережидая. Сам запросил такую, чтобы душу зацепила покрепче. Дьоллох выбрал отрывок из старого олонхо – смертную песнь вожака. Вначале согрел ей путь, украсил напевом вынутого из укладки хомуса, с которым никогда не расставался. Потом хомус вроде бы задумался, и тут далеко-далеко заржал жеребец. Ему ответил другой. Ближе, звонче зацокали копыта. Жеребцы всхрапнули, приветствуя друг друга, но вдруг один зловеще скрежетнул зубами. Следом послышались глухой удар, костяной треск и тяжкий всплеск, будто кто-то разодрал непустой симир... Все это рассказывал, яркими звуками рисовал поющий-говорящий хомус. Затих вокруг лес, гулкие горы придерживали дразнилки эха, прислушиваясь к негромкой песни.

Отчаянный конь, жеребец вороной,
давно ускакал ты, свободу любя,
а нынче в обличье чужом предо мной
возник, только сразу узнал я тебя!
Отцом нашим был знаменитый вожак,
стерег он в аласах норовистых жен,
и ты, одотравный, веселый лоншак,
был так же любовью, как я, окружен.
Резвились до третьей травы, а потом
соперников в нас заподозрил отец
и, чтобы владеть одному табуном,
изгнал повзрослевших сынов наконец.
Гуляли мы, два молодых жеребца,
в небесных угодьях под яркой луной...
Неужто пришел ты спросить за отца,
в законном сраженьи убитого мной?
Зачем поменял ты наследную масть
и ранил копытом утробу мою?
Коль надобны стали главенство и власть,
ты мог победить меня в честном бою!
Тогда бы табун покоришься тебе,
признали бы все остальные кругом...
Но ложь предпочел ты открытой борьбе –
явился ко мне потаенным врагом!
Прощай же, кончаю предсмертную речь,
злосчастный предатель, неправедный брат,
теперь лишь медведи и волки стеречь
возьмутся подруг моих и жеребят!

Влагой блеснули глаза Отосута. Задела, зная, песнь, сплетенная из гордых перекатов и высоких коленцев, из боли и горечи слов, струн голоса – прозрачных, звенящих и скорбных.

– Честный лес не прощает коварства, – кивнул задумчиво жрец, подгребая к огню уголья. – Пропал табун.

Лежа без сна в шалаше, Атын медленно отмякал от мучительного оцепенения, содеянного песнью. Почему брат (Дьоллох по-прежнему почитался им за старшего брата) спел именно эту? Случайно на душу пала, смекнул о чем-то или Дилга подослал Атыну через певца невнятно остерегающий знак?

Сквозь сосновые космы входа было видно, как рвутся за переменчивым ветром прыгучие языки костра. Длинные тени Дьоллоха и Отосута волнисто изгибались в кустах и двигались вослед неверному огню. Серебристобородый дух-хозяин убежал от теней то вправо, то влево, стараясь не столкнуться с ними и не наступить им на пятки. Намеренно топтать чужую тень, всем известно, – значит желать бедствий тому, кто ее носит. Когда-то матушка Лахса говорила, что играть с тенью небезопасно, ведь если проснется спящая в ней темная сущность человека, она сделает его несчастным.

Тень Дьоллоха колыхнулась и выросла. Потянулась, долгорукая, обняла все обозримое, озаренное костром пространство. Певец сладко зевнул:

– Кажется, в силу вошло зелье твое, Отосут. Пойду-ка я сон смотреть.

* * *

Ближе к рассвету Дьоллох действительно узрел удивительный сон. «Конечно, сон», – уверял себя после, хотя вначале померещилось, что он, напротив, проснулся. Так бывает, когда излишне утомишься: греза блазнится явью или, по крайней мере, ясным ее отражением в чистой воде... Но хорошо, если добрая греза, а тут худое причудилось.

Он пробудился от холода, потому что Атын разметался и сбил книзу их общее заячьё одеяло. И только Дьоллох собрался поправить, как кто-то просочился в шалаш. Не вошел, а именно просочился – непроницаемой тенью, стукотом человека. Или, скорее, черным привидением. «Отосут выходил и осторожничает, чтобы никого не растолкать ненароком», – предположил Дьоллох, пытаясь сам себя обмануть. Прислушался, выпученными от страха глазами вглядываясь в обрамленный ветками темно-синий проем, украшенный белой гривной луны.

Жрец спокойно посапывал у стенки. Рядом неумолчно свистел носом Билэр, а с другой стороны ворочался во сне Атын... чье бледное лицо в лунном свете отчеканилось сбоку у входа! Второй, не спящий Атын, пригнулся в ногах у Дьоллоха!..

Не могло быть ошибки. Зенки двойника мерцали зеленоватыми огоньками, будто святающиеся телячьи очи в вечернем коровнике. Рот кривился в нечеловеческой, бесовской усмешке... Так в припадке безумия усмеваются существа, потерявшие души!

Дьоллох отчетливо все разглядел, но не успел и вскрикнуть, как его, изрядно озябшего, посреди ужаса и ночи бросило в жаркий пот и, что хуже всего, в полную неподвижность. Хоть глаза успел зажмурить. Под смеженными веками заплывали, замельтешили во тьме длиннохвостые головастики. Вот только слух, всегда чуткий у певца, тоньше изощрился. Казалось, незыблемая наружная тишина раздробилась на множество вздохов и крадущихся звуков. Неподалеку жалобно заржал жеребчик. Где-то в горах хохотнула сова – дикое дитя ночи... А в шалаше не слышалось ничего постороннего, кроме бешеного стука Дьоллохова сердца. Двойник Атына то ли впрямь пригрезился, то ли дыхание затаил и замер.

«Сплю, – неуверенно подумал Дьоллох, прождав довольно долго. – Во сне я». Но глаза там же, во сне, открыться не решились, и одеревенелое тело не пожелало расправиться. Недреманная память, потеснив слепой страх, лихорадочно перебрала подзабытые детские весны. Обрывистой цепью стелясь, звеньями соединились рассказ отца о дедушке Торулесе и его Идущем впереди, драка с Кинтеем и догадка Илинэ об Атыновом двойнике. Маленький скелет, похожий на сушеную крысу, брат зачем-то носил на груди в кошеле из-под кресала. Вспомнилась нынешняя странная привычка Атына таскать всюду с собой сменную одежду в заплечной суме...

Скоро выяснилось, что и во сне непомерно любопытен человек. Аж в горле запершило, так захотелось глянуть. Веки сами собой отворились. Стрельнув сторожкими глазами в проем, Дьоллох даже разочарование испытал: не было у входа никакого привидения. Вздохнул облегченно – попривидится же такое!

Отходя от немоты, тело закололо иголочками. Стало зябче прежнего. Подлая спина немедленно напомнила о себе, нанизала на острие жгучей боли позвонки загорбка и поясницы. «Вот теперь точно не сплю», – рассердился Дьоллох. Присел и... ой!.. чье-то неровное дыхание, гонимое сердечною смутой, горячо овеяло щеку! Растрепанная косица Дьоллоха поднялась дыбом: коснулся чужих трясущихся пальцев... Они шарили возле шеи брата!

Время поскакало страшными громкими толчками. Дальше играть в молчанку парень не мог. Мг-и-ик! – звучно сглотнул. Шлеп! – схватил непрошеного гостя за руку. Запястье призрака было удивительно плотным и теплым.

– А-а-а-а! – заорал Дьоллох во все горло.

Привидение истошно заклекотало, птицой взвилось кверху! Прободав шалаш башкой, опрокинуло его набок, исхитрилось вырваться из судорожных рук Дьоллоха, из обрушенных сосновых лап, поваленных стенок... Сумасшедшим прыжком извернулось, выметнулось вон!

Колочая ветка захлестнула орущий рот Дьоллоха. Пока откашливался и плевался, студеный ветер расплел косицу, взъершил потные волосы. Стиснутый кулак все еще сжимал пустоту. Из рта вылетали морозные облачка пара, вокруг разливалось лунное сияние. Переполошенные товарищи ругались и раскидывали сокрушенный лапник, лаял взбудораженный Мойтурук. Кони посверкивали зеленоватыми, как у призрака, глазами. А только что вьяве вопивший призрак будто в Джайан провалился сквозь землю!

Из-под кучи веток показалась всклокоченная голова Атына. В глазах его плескался ужас. Под ними, точно кто-то ольховой краской мазнул, темнели коричневые тени... Но спросил голосом обидно безмятежным, еще и с легким смешком:

– Эй, дурной сон тебе, что ли, привиделся?

– Шалаш повалил, разорался, как резаный, – раздалось сиплое ворчание Билэра.

Отосут, спросонья, пробурчал раздраженно:

– Чего вскочили, ночь еще!

Что сказать, как ответить? Зачинщик шумихи смолчал, не в силах собрать в кучку растерянные мысли. Чувствовал себя кругом виноватым. Поднялся и побрел воскрешать угасший костер.

Спать расхотелось, но когда заструились приятные волны тепла, Дьоллох подтащил ближе к огню грудку веток. Забрался в них с головой, чтобы не видеть предутренней суеты, не слышать насмешек. Пальцы одну за другой безотчетно обрывали длинные иглы с ветви. Будто девчонка влюбленная, гадал на иглах Дьоллох: спал он – не спал? «Да сон же, сон!» – боролся с собой. Тщился разобраться в причудах растревоженной памяти... Не выдержал, подозвал брата:

– Скажи честно: кто приходил ночью?

– О ком ты? – отозвался Атын, вытряхивая Мойтуруку остатки съестного из переметной сумы. – Отосут вчера провел заклятие против зверей и духов. Разве тут может шастать кто-то, кроме лошадок?

– Двойник, – приглушил голос Дьоллох. – Точно такой же, как ты! Я видел, луна светила. Он хотел тебя задушить, и я поймал его за руку. Сам он был как призрак, а рука теплая...

– Да ладно тебе, – перебил Атын и скучающе глянул в огонь. – Ты видел сон. Иногда кажется, будто все наяву происходит, и после долго не верится, что это просто сон. Может быть, ты нечаянно подсмотрел, как вернулась из странствий моя воздушная душа, а твоя душа потом придумала сказку о призраке, чтобы тебя удивить. Клади под изголовье нож, и дурное перестанет сниться.

– Совсем запутал меня, – смутился Дьоллох.

Ночное происшествие таяло в набирающем силу рассвете. Видно, впрямь приморозился призрак. Не навлекло ли диковинный сон снадобье Отосута? Мало ли какие дурманящие травы жрец намешал. Говорят, иные невинные на вид цветочки способны открыть человеку глаза в потусторонние миры...

Так размышлял Дьоллох, а из ума не выходило белое в свете луны, злобное лицо.

– Ну и свиреп же лик твоей воздушной души, – заметил тихо.

Скользкий взгляд Атына пронесся мимо скорее стрелы:

– Была ли у нее тень?

– Э-э, сам подумай – какая у души может быть тень! – Дьоллох привстал на локте. – Вот глаза, рот, подбородок – все твое!

– А нос?

– Не помню... Слышал, правда, как душа дышала и приноживалась.

Билэр у костра, услышав последнее, изрек глубокомысленно и, как всегда, невпопад:

– Носы дышат и одновременно ощущают запахи. Глаза смотрят и затворяются, чтобы мы отдохнули. Рты утоляют голод, а также потребность говорить и петь. Все отверстия в человеке отвечают за несколько дел и чувств. Это правильно. Иначе бы люди были многодырчатыми, что небрежливо.

И все засмеялись.

Косяк лошадей с сопровождением тронулся к ближнему расколу⁵.

Пегий привередничал. Гнал кобыл неохотно и норовил повернуть их в сторону. Сердитым глазом целился в шныряющего рядом пса. Не приближайся, мол, не то как двину копытом! Задирая заносчивую собаку, силился сорвать обиду, а засим спихнуть на ветер и свою невнятную вину.

Вожак помнил дорогу к расколу и знал о предстоящей разлуке с большей половиною жен до кумысного праздника. А может, многотравным опытом умудренный, печалился, догадываясь, что с иными подругами встретится не грядущей весной, а годы спустя, и уже не на Орто.

⁵ Раскол – место, обнесенное изгородью, для отбора лошадей из табуна.

Домм второго вечера Снадобье от холода

Болезнь снедала Урану, как древоточец березу. К осени недуг доконал – слегла и почти уже не вставала. Время стало досужим, долгим, растянулось ползучими кусками. От непривычного безделья чувства стали острее и тоньше.

«То, что пролилось, не почерпнешь, не наполнишь им жизнь», – размышляла Урана, стараясь не замыкаться на главном – на нелюбви Тимира, и ждала боли. Боль помогала отодвигать саднящие мысли.

Уране опротивело собственное тело. Дряблое, обмякшее, оно не желало держаться на слабых ногах. Вечерами в слабую плоть проникал холод, пронизывал от стоп до макушки. Урана чувствовала, как кожа ее, подобно почве под больным березовым комлем, покрывается плесенью, мхом и хилыми былинками. Потом в угол ближнего, видимого из-за занавески окна заглядывала ночь, разрешая отойти ко сну. Мутная дрема тяжелила веки.

Часто женщину мучил один и тот же сон. Держась за подвешенную к столбу перекладину, она, простоволосая, с развязанными узлами на одежде, рожала в восьмигранном шалаше. За окном бушевал ветер, а из нее трудно и больно выползали два мокрых, дрожащих щенка. Царапали живот острыми коготками, цеплялись за взбухшие молоком сосцы, отталкивая друг друга... Ах, не сбегаешь на непокорных ногах к Большой Реке! Не спросишь у родимой совета, как избавиться от скверного сна, не справишься, зачем он снится... Но сегодня привиделось другое, вовсе тревожное и непонятное. Пригрезился сынок, уехавший в высокогорные доли.

Урана тихо гордилась сыном. Аймачные стали доверять ему, почти уже взрослому человеку-мужчине, ответственную работу. Отправили с друзьями, как опытных табунщиков, к самому далекому косяку. Эти лошади принадлежали войску.

Когда думала о муже – ночь была длинна, теперь ждала сына – день стал долог. Больше всего об Атыне в эти дни печалилась. Потому, верно, и пожаловало загадочное видение, разбередившее душу. Жаль только, что узреть во сне сыночка не удалось. Будто в настоящей ночи, стояла глухая темень, хотя греза была как явь, чистая-чистая, со всеми доподлинными, яркими чувствами-ощущениями.

Сын сел на колени у лежанки Ураны, положил голову ей на плечо и заплакал. Она гладила его теплый затылок. Волосы пахли дымком. Мягкие, послушные, ниспадали вольно. Видно, где-то потерял стягивающий ремешок. Широкие плечи тряслись. Большой... Ростом отца догнал, свататься пора... А сам плачет...

– Матушка, – проговорил глухо и жарко, лоя ее руки, – матушка! Редко могу я видеть тебя, да и то лишь ночью. Теперь совсем попрощаться пришел.

– Куда уходишь? – испугалась, едва не вскричала Урана. Сторонним умом вспомнила, что это сон, и все равно голос понизила, чтобы мужа с Олджунной не разбудить.

– Велик лес, еще огромнее Орто. Найдется место жития твоему бесталанному сыну, – горестно прошептал Атын и поцеловал ее ладони. – Может, не приведется свидеться больше, так хочу сказать тебе, матушка, что любовь свою всегда в сердце ношу и носить буду, покуда живой.

– К кому любовь? – спросила, лишь бы не молчать, лишь бы молвить что-то. А сердчишко дятлом забарабанило в недобром предчувствии, в голове померкло от горя. Приподнялась, к груди прижала, тшась задержать, не пустить. Век бы так согласилась сидеть – сердце к сердцу.

– Тебя, матушка, люблю я, – молвил в самое ухо. – Не отца, не брата, тебя одну.

И что с того, что тощее тело Ураны дремало, глупое, в хрупком покое! Долгожданное счастье пролилось в неспящую душу – впервые матушкой назвал сын. А ведь до сих пор избегал этого слова, привычного для любого чада. Знала ревнивым умом: больше всего Атыну люб дом кормилицы, куда норовит убежать, только б нашлась причина. Но сон не сон, тут же безоглядно, бесповоротно поверила сказанному. «Тебя, матушка, – ласкало, нежило сердце, – тебя одну».

Все же спросила, надломившись сухим голосом:

– А как же тетушка Лахса, сыночек? Дьоллох, Билэр, Отосут, друзья твои? Илинэ? Еето неужто не любишь?

Он отстранился, помедлил и снова всхлипнул:

– Не признаёшь меня, с братом путаешь. Это ему они нужны. Илинэ... Зачем мне Илинэ? Других девчонок на свете полно. Прощай, матушка. Лихом не поминай невезучего.

Встал бесшумно и закрыл за собой занавеску. Урана побоялась окликнуть. Услышала только, как скрипнула дверь, студеным ветром понизу просквозив...

Почти сразу очнулась, ощупала влажное плечо. Спросонок подумала: сын на нем плакал. И опомнилась – что ж это за наваждение, неужели сон с явью смешался? После рассудила: должно быть, спящее тело бросило из привычного холода в жар, отсюда и лихорадочный пот на тонкой ровдуге платья, которое перестала на ночь снимать.

«Откуда взяться поту в иссохшем теле?» – возразил внутренний голос. Урана от него отмахнулась. Без того воздушная душа, что вечно носится с ее думами, как осень с листьями, кучу вопросов в голову нагнала.

Утром Урана забылась ненадолго и вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Вздохнула обреченно: «Учуяла одноглазая мою неспособность к отпору. В полусне и унесет». Но вспомнилось, как однажды обещала огню не сдаваться. Дух-хозяин никогда ее не обманывал. Так разве Урана с ним станет хитрить? Ведь все еще оставалась, далекой звездочкой мерцала надежда. Все еще уповала Урана на нерасторопного Дилгу. Если б не эта вера, умерла бы сразу, рухнула, как пустотелая береза в бурю. Вера – ожидание чуда, а ожидание – надежда, и круг когда-нибудь замкнется.

Ущипнула себя за руку, не открывая глаз, вызвала благословенную боль. Привычная тягучая ломота проникла в тело, по всем косточкам-суставам покатила и сообщила: «Живая ты».

Колыша занавеску, сбоку стоял Тимир.

– Проснулась, – сказал странно дрогнувшим голосом, присел на край лежанки. Из-под подушки, нежно звеня, выпала маленькая вещица – серебряный чорончик на витой цепочке, похожий на длинную каплю.

– Что это? – спросил.

– Обруч мой наголовный, – робко сказала Урана, не смея глянуть мужу в лицо. – Хочу дочке Лахсы подарить... можно?

– Твоя вещь, – пожал плечом Тимир. – Дари, кому хочешь.

Вытянул обруч, внимательными пальцами прошелся по гравировке нарядных пластинок, по чорончикам, начищенным до лунного блеска. Вспомнил, наверное, как сам, двенадцативёсный, отливал эти подвески под присмотром отца. Грузно поднялся:

– Тут шаман тонготский к Сандалу приехал... – и запнулся, хмурясь: – Или из нгамендри он? Ну, разницы нет. К нам придут сегодня, шаман покамлает. Может, вылечит тебя. Не двигай занавеску, а то лежишь, как в скорлупе.

Уходя в кузню, отдернул ровдугу, открыл домашний обзор. Сердце Ураны екнуло, не веря: в кои-то веки поговорил с нею суровый муж!

Дожить бы до внуков. Вдруг да отгадет душа Тимира рядом с желанным детским лепетом-смехом, простит незадачливую жену... Затолкнула девичий обруч под циновку, и мысли переметнулись к Илинэ.

Раз или два в седмицу девушка приходила проведать больную. Помогала Олджуне управиться во дворе, доила коров и до вечера засиживалась. Училась волосяные циновки плести. В такие дни Урана забывала о хвори. Радость весенней улыбкой цвела на лице и в душе. Смотрела на Илинэ и наглядеться не могла. В глазах начинало щипать от мысли, какую же умницу и красавицу вырастила добрая Лахса из ростка сомнительного семейства. Из сытыганского подкидыша, брошенного в страшную непогоду на порог юрты Сандала...

Осень Бури, время рождения Илинэ, унесло жизни людей Сытыгана. В тот год сын получил имя. Подробности дня, когда главный жрец пришел с новорожденной девочкой к кузнецам, втравились в воспоминания Ураны прочно, как прославленные ее краски въедались в продыmlенные кожи. И то, что Илинэ приходится Олджуне родною младшей сестрой, тоже намертво вбуравилось в мысли.

Сандал велел забыть о тайне появления Илинэ на Орто, и правильно, не то люди, зная, из чьего она аймака, невольно и к ней бы прилепили родовое проклятие. Но сказать жрецу было легко, а корни памяти ножом не вырежешь. Помнит ли Тимир? Урана и в доброе-то время не заговаривала с ним об этом, в последующее и подавно...

Нередко думалось: не иначе сама Олджуна принесла в жреческое селенье младенца, произведенного на свет матерью Кэнгисой незадолго до несчастья. Однако за все весны баджа Тимира ни словом себя не выдала. Как позже выяснилось, свои и чужие тайны семья кузнеца умела хранить не хуже, чем огонь рода, которым ни с кем не делятся.

Дивилась Урана равнодушному отношению молодой женщины к Илинэ, единственно родной по крови. А бывало, ловила кинутый на нее неприязненный взор. Ревнивой завистью исходил он то ли к невинной юности, то ли к бесхитростной красоте девушки.

Обе сестры были пригожи, обе светлицы, белозубые, гибкостанные. В остальном, как ни странно, вовсе не походили друг на друга. Яркая наружность Олджуны, влекущая мужчин, словно глупых мотыльков на огонь, подувяла, поблекла. Да и не могло хватить краткосрочной любви Тимира на то, чтобы вызреть его бадже пышно, по-женски счастливым, победным цветом. А скромницу Илинэ с первого взгляда мало кто замечал. Ну, волосы длинные, густые и, что редко у людей саха, кудрявые. Ну, глаза пошире, поискристее, чем у других. Но у других и заманчивее прелестей в достатке. Однако стоило человеку всмотреться в Илинэ внимательно, и взгляд смягчался. «Идет, будто узоры вышивает», – говорили соседки. Бесстыжие друзья Дьоллоха, игрецы на певучих снастях, языками цокали восхищенно: «Песня – смотреть, как ступает по земле сестрица твоя!» Впрямь чудилось – светит сквозь девушку солнце. Какие бы думы голову ни волновали, бездумному оку становилось досадно ее потерять. Взору хотелось следовать рядом, любясь легкими движениями Илинэ.

Сынок готов был отправиться за нею за восемь пределов Срединной, лишь бы позвала. Урана все видела и немало о том тревожилась. Поэтому, как ни сладко вспоминалось признание сына во сне, неправдоподобными казались его слова: «Зачем мне Илинэ? Других девчонок на свете полно». Может, отступил от нее, обиделся на что-то? Говорят, первая юная, пылкая любовь – обычное испытание перед настоящей».

Странно было думать Уране, что у любви, как у Орто, много разных сторон.

Олджуна обмолвилась, будто воительница Модун следующей осенью после воинского Посвящения намерена послать сватов в дом с травяными узорами. Юрту няньки Атын еще в детстве охрой обрисовал. По сию пору цветы не сошли, хозяйка их не замазывает. Олджуна сказала: Лахса заранее по Илинэ плачет. Даже слухи об отменном калыме, обещанном багальком, не тешат приемных родителей. Уйдет дочка в заставу, кто тогда за стадом-табуном приглядит? На Дьоллоха сызмальства мало надежи. Ничто парня не интересует, кроме песен-

сказаний да хомусной игры. Вряд ли найдется в Элен доброе семейство, которое пожелает отдать дочь за горбатого игроца. Разве что издалека возьмет такую же ущербную...

Сын поныне Дьоллоха братом считает. А сам почему-то сказал: «Не признаешь меня, с братом путаешь». Вовсе непонятно... Урана спохватилась: во сне ведь! Что сон! Большая половина из того, что воздушная душа подсказывает, – голимая блажь, лишняя голове докука.

Открылась дверь, и зашла Илинэ, будто мысли Ураны ее кликнули. Испуганные глаза девушки вспорхнули к открытой занавеске, руки прижали к груди туюсок. Помешкала и вздохнула облегченно. Жива тетушка, без худой нужды отодвинули ровдугу, для свободного света. Давно бы так! Коротко перекинулась новостями с младшей хозяйкой. Руки погрела у камелька, чтобы не с холодными к Уране подходить. Улыбнулась весело, присматриваясь к левому углу с легкой придишкой – хорошо ли за больной ухаживали.

Грех жаловаться, Олджуна не забывала поить-кормить, с остальными кое-какими делами справляться. Но лишь Илинэ заботилась по-настоящему. Вот и в этот раз с мыльным щелоком помыла зябку тетушку, сполоснула горячей водой с травяным настоем. Юрта окуталась душистым паром с нежным запахом шиповниковых лепестков. Счастливое тепло растеклось по хилому телу Ураны. Проворные девичьи руки растормошили, растерли его маслом кедровых орехов из принесенного туюска, переодели в вычищенную одежду. Изредавшие волосы легли на спину переплетенной косой. Илинэ скатала постель и побежала во двор выбивать-освежать.

Досадливо кривя губы, Олджуна хмыкнула:

– В невестки напрашивается.

– Добро бы, – сидя на циновке, слабо отозвалась Урана. Вздохнула с сожалением: – Лучше-то не найти, да Атын ей все еще братом мнится.

– Люди сказывали, что девчонке и Болот не мил, – бросила Олджуна.

Остановилась на полпути к камельку, сжимая в руках мису с нарубленным для супа мясом.

– Не иначе ждет, гордая, когда к ней сам багалык присватается!

– Чирей тебе на язык, – с сердцем сказала Урана. – Как только такое на ум пришло!

– Приметила я: как девка Хорсуну на глаза попадет, так он глаз с нее не спускает, – запыхала Олджуна щеками. – А тут к нему еще Долгунча эта наглая льнет и другие, кто еще беспутнее, вяжутся!

– Тебе-то что с того? – удивилась Урана.

– Пусть неродной он, но не чужой, отцом почитаю! – сердито крикнула Олджуна.

Бухнула мясо в горшок, расплескав водицу. Молвила тише, отворачивая лицо от шипящего пара:

– Любой дочери не все равно, какая женка с приговорами рубахи начнет отцу шить, яствами потчевать. Как любить его будет, сердцем одинокого... – И опаматовалась, вскинулась злобно: – Да не перед тобою, дотошной, стану держать я о том отчет! У тебя забота – потрудиться не сдохнуть, на ноги скорее вскочить, пока внуки не посыпались, а не лезть с глупыми вопросами! Не больно-то мне охота, когда помрешь ты, невестке твоей помогать выпростков нянчить, будто старая бабка!

Расстроенная Урана ладонями всплеснула:

– Погоди хоронить, я ж покуда живая!

– Все одно толку нет от тебя, – огрызнулась Олджуна.

Широко распахнулась дверь, впуская свежесть морозца. Илинэ внесла перетряхнутые шкуры-одеяла и улыбнулась Уране. У той, хоть и не сразу, отлегло от сердца. Что на Олджуну дуться, лаяться с ней? Заскорузла, огрубела баджа от бесчадия, от вечного недовольства

Тимира. Истосковалась по отцовскому дому, где счастлива была, не получала незаслуженных оплеух...

Илинэ застелила постель, придвинула к ногам тетушки нагретые на шестке камни. Поставила на круглый столик укутанный сеном горшок. В нем жарко курился взвар из взбадривающих травок. Когда успела сготовить? Урана и не заметила. Все, что бы ни делала Илинэ, было живо, тепло и привычно, не от желания доброй показаться, а от самой доброты... Хотелось приласкать умницу, сказать ей хорошие слова с похвалой-украшением, чтобы в долгую память легло, да не умела Урана складывать хвалебные речи. Просто поблагодарила:

– Спасибо, моя хорошая.

Вспомнилось: Лахса сердится, когда Илинэ в глаза и за глаза превозносят. Бойтся, что похвалы невольно могут порчу на дочь навести... Оно и верно. Каждому око не закроешь, не допытаешь, кто с лаской сказал, кто с лукавою думкой. Но с каким бы соображением люди об Илинэ ни баяли, всё без зла на лице, не то что Олджуна... Не только от летучих движений девушки дух занимался. Особый ласковый свет ее улыбки отражался радостью в чужих глазах.

Улыбчивый девичий взор словно целебным перышком касался Ураны, и она замирала от неизъяснимой благодати видеть перед собой подлинную красоту. Наследной ли мастерице не ведать ее редкого волшебства! Ибо истинная красота столь глубока и безупречна безыскусной своей природой, что даже время, жестокое к остальным, неподвластно над нею. Видать, не чужд любованья и Дилга. Не зря же на весь срок-осухай оставляет подобным Илинэ жизнерадостную весну, чтобы другим возле них красивее жилось...

Олджуна глянула в окно: с горы спускались Сандал и незнакомый человек в крылатой одежде.

– Гости к нам!

Бросилась ставить на стол дымящееся, разливать горячее, колоть мороженое.

Илинэ заторопилась домой. Шепнула старшей хозяйке:

– Завтра приду.

– Задержись чуток, – попросила Урана. – Далекo гости, еще в кузню к Тимиру зайдут. Я тут подарочек приготовила тебе... Присядь, глаза закрой.

Вынула из-под циновки наголовный обруч, накинула его на кудрявую голову девушки. Взяла со столика отражатель:

– Теперь смотри.

Илинэ прижала ладони к румяным щекам:

– Ой, тетушка!

Карие глаза вспыхнули ярко, соперничая сияньем с серебряным наголовником и звенчатыми низками вдоль щек. Капли-чорончики солнечно блеснули у высокой шеи. Даже Олджуна не выдержала, залюбовалась искренне:

– Загляденье убор! Все парни твои!

Так, не сошедшей с лиц улыбкой и встретили хозяйки гостей. Илинэ спряталась за ближним к двери столбом и, пока мужчины приветствовали духа огня, незаметно выскользнула из юрты.

* * *

Приведенный Сандалом молодой шаман Нивани родом был из северного племени нъгамендри, но нисколько не напоминал северян. Лицом тонок, черты мелковаты, глазаст и веки длинные, изогнутые, чуть ли не до висков достают. Олджуна дважды видела его в Эрги-Эн.

Вблизи рассматривать волшебника оказалось куда интереснее. В шапке он не нуждался – голову закрывала пышная копна волос. Каждая прядь была увита пестрым ремешком, а все вместе, наподобие короткой накидки, спускалось ниже пояса. Одежда чудная: вся в фигурных железках, цветной бахrome и лисьих хвостах. Вышивка из крашеной оленьей шерсти на обычном нагруднике, какой носят все ньгамендри и тонготы, напоминала грудь гагары. Урана высоко оценила работу, исполненную искусной швеей. Особое любопытство женщин вызвал прикрывающий живот медный идол с человеческим лицом. Вместо ушей у него торчали ладошки, проткнутые звериными костями.

Тимир одарил баджу одобрительным взглядом: расстаралась со скорым угощением. Пригласил гостей к столу. Присев на скамью, шаман приставил сбоку свой узорный посох. Весь в бубенцах, увенчанный круглым набалдашником, посох был обут в каповый сапожок.

Жрец по обыкновению говорил много и пространно, ньгамендри же отвечал на осторожные вопросы Тимира коротко. За столом он не засиделся. Допив чашку горячего масла, суховато кивнул Олджуне – благодарствую. Бросил в огонь что-то пахучее и, не спрашивая дозволения, прошагал к левому углу, где на высоких подушках полулежала старшая хозяйка.

Не по нраву пришлась кузнецу спокойная дерзость шамана. Пуще не глянулось, когда занавеску за собою задернул, дал понять – возбранен вход сюда третьему. «Это мужу-то!» – осерчал Тимир. Мгновенно и напрочь забылись последние весны, в которых Урана была для него как лишняя в юрте вещь. Он-то полагал, что долгогривый до вечера станет хвастать волшебными умениями, а едва падут сумерки, поспежит закрепить похвальбу камланием. Отменно выделанную кобылью шкуру, снега белее, для пляски его приготовили. А тут, натека, все пошло не по задуманному. Неучливый гость без уважения отнесся к старательной обходительности главного кузнеца. Новостей не поведал, а камлать, кажется, изначально не собирался...

Сандал шепнул о девятом шаманском уровне Нивани, и Тимир вспомнил, как однажды на торгах отказался выковать обереги молодому кудеснику. Так вот откуда его надменность! Тимир удержал всплеск гнева и не стал прислушиваться к тому, что делается за ровдужным прикрытием. С напускным вниманием повернулся к речистому Сандалу.

Э-э, да пусть чародей о чем угодно допрашивает Урану, что хочет с нею творит! Лишь бы вылечил. Главный кузнец не даст людям в скаредности себя уличить. Отдаст за лечение треть табуна, принадлежащего роду! Небось, тогда щедро умасленный ньгамендри заговорит по-другому. Друзья-родничи, зная гордую честность Тимира, не обвинят в вольности с общим достоянием. А он обменяет где-нибудь излишек изделий, не сбытый на неудачных торжищах, и с лихвой вернет долг аймаку...

Недолго пришлось кузнецу давить верткую злость, точно мышь в лабазе. Нивани с шумом отвел занавесь. Урана поймала свирепый взгляд мужа, сжалась в испуге. Оправила съехавший на плечо ворот платья... Впрямь, что ли, раздевал-трогал чужую бабу замысловатый шаман?! Лицо его было непроницаемо. Спокойно подтвердил яростные предположения супруга:

– Осмотрел я ее. Мелкие болезни возраста. Ничем особенным тело твоей жены не страдает. Вот только дух...

Проницательно глянул на смущенного кузнеца:

– Холодно духу. Но не обычный это холод, и только единственное на всем свете снадобье способно хворую на ноги поднять.

Тимир ждал, но Нивани больше ничего не добавил. Вместо дальнейших слов легонько стукнул в могучую грудь хозяина супротив сердца. Мол, неразумен ты, человек-мужчина, попробуй-ка сам смекнуть, о каком-таком снадобье речь я с тобою вел. При этом Тимиру почудилось, что медный идол с человеческим лицом осуждающе качнул кабарговой лопаткой, всунутой в дырку левой ручонки.

Кузнец подбородок вздернул, метнул в сторону тяжело:

– Врачевателей много на Орто. Послушаем, что другие скажут.

– Врачевателей много, – подтвердил Нивани, пряча в насмешливом кивке укоризну. –

А снадобье – одно.

У Тимира достало выдержки молча упрек проглотить. Провожая гостей, поклоном ответил на всегдашнее пожелание благословенных дней. Изощрился выкинуть из головы кипучие видения-домыслы – бегающие по обнаженному телу жены блудливые руки. Не до ревности подзабытой было, когда гордость ломалась, будто пучок лучин через колено. Разве что треск не шел по округе! А лишь завернули чудодеи за ворота – дал волю гневу, хватил торбазом по гостевой скамье. И деревянная ножка долой, и свою поранил. Не впервой было пользоваться кузнецу собственным проверенным снадобьем – телесною болью душевную перебивать...

После, в кузню уйдя, попятным умом думал: чего уж там, ему ли не знать – от нелюбви пропадает Урана. Ишь, придумал, хитрец, – снадобье! А где возьмешь эту непритворную ласку-любовь, если годами сжигал ее в себе, день за днем, ночь за ночью, и до самого донца в уголь спалил?! Видать, теперь, как ни прятал неприязнь, как ни прикрывал, точно плешивый лысину, правда в глаза бросалась: глядите, люди добрые, едва я выношу старую женку рядом с собою! Или сама Урана невзначай пожалилась затейному человеку? Либо так, либо чересчур прозорливый попался шаман...

Вот это бесило больше всего. Усмотрел ли колдун, привычный запускать небрежные пальцы в души, что не на пустом месте возросла пышным цветом болезнь Ураны? Смог ли выведать долгогривый, как тяжело избывать обман подлой женщины, лгать-выкручиваться каждодневно?! Ведь которую весну главный кузнец кроит из своих угрюмых морщин безмятежную мину, чтобы в крепкой узде держать нравных ребят-ковалей! Не то молвят, задиристые: «Ты в своей семье спервоначалу разберись, хозяин сумрачный, прежде чем нас учить уму-разуму!»

Домм третьего вечера С молотом рожденный

Отделив, как следовало, лошадей, парни отпустили поредевший косяк обратно и вернулись к расколу. Пригнали оставленных кобылиц в долину за готовые изгороди – кому жеребиться весной, кому отправляться к вечной весне. Уговорились на охоту вместе, пока стоит чернотропье, и поспешили к домашней еде и теплу.

Возвращаясь по кузнечной дороге на новом жеребчике, Атын заметил в стороне сестренку... которую давно уже сестрой не звал. Так же как изъял из речи обращение «матушка», он и словом не хотел упоминать о детском сродстве с Илинэ. Ибо никакой родней они другу другу не были.

Девушка шла по извилистой тропке у подножья склона, похожего на согнутые великанские колени. Исполинский торс горы в темных клочьях соснового леса вздымался к облакам. Илинэ, должно быть, приходила к Уране. Теперь торопилась к дому, куда другой стежкой ускакал Дьоллох. Беспечный брат не подозревал ни о своем ежедневном счастье лицезреть Илинэ, ни о тихой зависти Атына.

Когда-то Тимир отлучил сына от семьи кормилицы. Потом Атын научился не замечать отца, перестал обращать внимание на его запреты. Но уже сам старался не докучать близким частым посещением, чтобы не надсаживать сердце им и себе... И тут в него, в сердце, словно птичьим клювом кольнуло. Показалось, вот-вот вырвется из груди, раненое, и полетит за Илинэ, прошивая тропу строкой пламенеющих капель.

Атын легонько дернул повод. Дайир понемногу привык к командам, всхрапнул: не пойму, по какой дороге везти велишь? Придержав его, хозяин спешился, привязал к дереву: жди. Сам помчался перебежками от куста к кусту.

До Илинэ осталась всего двадцатка шагов, а парень застопорился. Что ж это он будто какого-то злыдня тайно выслеживает? Допрежь из-за насмешек близнеца не смел к ней приблизиться, но ведь отныне-то он свободен... Свободен! Атын расправил плечи и двинулся открыто.

Заячью шапку Илинэ несла в руке. На голове красовался праздничный весенний убор – девичий обруч с витыми подвесками. Хрустнул лед – наступила на мерзлую лужицу. Нагнулась, вглядываясь в смутное отражение. Косы собольего цвета и блеска землю мели. Что там видно-то, в выветренном белесом ледке? Самое бы время вручить припасенный подарок, да дома под подушкой остался...

У Олджуны был бронзовый отражатель лиц. Выменяла на росомашьи шкуры у кузнецов орхо на позапрошлом базаре. Летось, подолгу рассматривая эту круглую, похожую на боевой щит громоздкую вещь, Атын решил отлить свое глядельце. Маленькое, не больше ладони Илинэ.

Наследное умение подсказало смешать плавленную руду с горючей серой, щелочью, дробленным песком голубого небесного камня. Добавил серебряные опилки, олово пустил на подводку... Так родился первый кузнечный секрет из тех, что год за годом пуще прибавляться станут для передачи потомкам.

Вышедший после горения губчатый комок Атын истолок в пыль. Покрывл ею тонкую овальную пластинку – и снова в горн, мастеровому огню на пособленье. Разумное пламя отшлифовало, выгладило верхний слой, будто прозрачной водой окатило. Крепко схватилась вечерняя, с едва приметным сизым отливом водица, намертво пристыла к пластинке. Заглядывая в нее, как в светящийся изнутри, просвеченный закатом срез звонкого родника, Атын поначалу ладонь подставлял – прольется, чудилось. Что ни день, полировал кусочком мягкой замши. Гладкостью дивное глядельце сравнялось с гранями волшебного камня. А подарить

Илинэ все повода не было. Вот бы сейчас! Но из мелькнувшей мысли о Сата неожиданно выщедилась причина для другого разговора.

– Илинэ!

Она обернулась, обрадовалась:

– Ой, вернулись вы! Значит, Дьоллох уже дома! Какие новости привезли?

Атын сторожко огляделся вокруг, даже вверх на гору посмотрел. На всякий случай...

Засмеялся:

– Хорошая новость, гляжу, не в моей голове, а на твоей – вместо зимы весна пришла!

Илинэ натянула шапку поверх нарядного обруча, улыбнулась смущенно:

– Тетушки Ураны подарок.

Одергивая себя, чтобы не сразу выболтать задуманное, Атын потоптался рядом. Вопросов ждал. Илинэ тоже помалкивала. Он выдохнул первое, что на ум пришло:

– Красивая... Э-э, вещица, говорю, красивая. Наголовник этот.

Она кивнула. Стояли молча, словно тот, кто первый заговорит, получит щелбан в лоб.

Раньше они так играли. Илинэ загляделась на синицу в ветках сосны. Забавная пичуга скакала вверх-вниз, как белка.

Атын покатывал ледышку носком торбаза. С большим интересом. Ни о чем говорить не хотелось и не могло. Та, что всегда и всюду возникала перед мысленным взором, была в шаге от него. Он видел ее теплые лосиные торбаза и подол рыжей коровьей дохи. Выше взглянуть не решался.

Тело пробирала мелкая дрожь, хотя вроде не мерз. Простудился в горах или закралась особая хворь? У Дьоллоха нечто подобное случалось по весне от тополиного пуха: мокли глаза и нос... Ну, добро и на том, что из носу не течет, а то сморкаться при Илинэ неловко. Когда жили в одной юрте, все было ловко – и сморкался, и рыгнуть мог после сытной еды. По малости весен случалось ждать друг друга на задворках темными вечерами, если кому-то приспичит.

Но с некоторых пор время для Атына разбилось на «прежде» и «теперь». В прежнем времени он не ценил близости к Илинэ. Он просто любил и жалел маленькую сестренку. Обыкновенную, как солнце, дыхание, сон, смех. Атын тогда много дорогого не замечал. Теперешнее время отдалило Илинэ, сделало ее взрослой и красивой. Открыло в ней нечто, чему он не знал названия. Если б Дьоллох, словесный искусник, узрел сестрицу глазами Атына, он бы точно сказал, что это. Из-за чего солнце, дыхание, сон, смех... в общем все, что необходимо для жизни, становится немилым без Илинэ.

Потешная пташка поскакала и улетела.

– Ты почему домой не идешь? – спросила девушка.

– Вот и проиграла, – весело откликнулся Атын и откинул в сторону надоевшую ледышку.

Илинэ смешливо охнула – вспомнила старую игру. Зажмурилась, подставляя лоб, как в детстве:

– Ладно, давай щелбан, только не больно!

Атын поднял руку и остановился...

– Ну же, скорей! – Илинэ с закрытыми глазами подпрыгнула в нетерпении.

Замерев, он смотрел на ее лицо с сомкнутыми веками и упругим ртом. Оно едва ли не каждую ночь выплывало к нему из туманного воздуха грез. Большое, как Скала Удаганки, лицо подвигалось ближе и ближе, становясь все меньше, пока не умещалось в чаше его ладоней. Голубоватая тень от ресниц бахромой лежала на щеках, губы складывались в дразнящую улыбку. Он привлекал к себе податливое лицо Илинэ, выдергивал ее всю из лохмотьев белесого марева и целовал, целовал... целовал...

Она открыла глаза. В черных донцах зрачков вспыхнул испуг:

– Что с тобой?

– Ничего, – Атын заторопился, перебивая слишком громкий стук сердца и опасные грезы, готовые вырваться в явь. – Сказать хочу...

– О чем?

– О своем Сата.

– О Сата? – лицо ее вытянулось, а глаза, напротив, округлились. – О волшебном камне?!

Он есть у тебя – это правда?

Вместо ответа Атын сунул руку себе под ворот. Думал развязать шнур, но все не мог нашарить узелок и, разозлясь, сильно дернул. На оголенной шее, словно след от чиркнувшего острия батаса, загорелась узкая багровая полоса. Шнурок порвался.

Илинэ отшатнулась. На миг ей померещилось, что Атын собрался выдрать из груди свое сердце – такое резкое, полное неистовой решимости движение сделала его рука. Кулак расправился. В ладони оказался шитый из мягкой кожи кошель из-под огнива.

– Он здесь.

Атын простер руку и вынудил Илинэ отшагнуть дальше. Взгляд его был напряженным и незнакомым, совсем не братним. В уголках рта крылась странная усмешка. Она делала Атына высокомернее и старше.

Так смотрел на Илинэ долговязый Кинтей. Наглые глаза его цеплялись за лицо и шею, как липкие лапки черно-зеленых мух... Бр-р! От этого взгляда возникало желание отмыться.

С братом давно уже творилось неладное. Нынче стало еще хуже. Ох, как же неузнаваемо изменился он в другой семье! Не лжет ли о Сата? Если лжет, то зачем? А если нет, почему решил сказать об этом, наверняка зная, что тогда волшебная сила камня исчезнет?

Вот и настала пора вопросов. Илинэ задавала их один за другим и видела, что Атын не замечает старательной строгости ее лица. Не то чтобы не слушает, но и не слышит, поэтому ждать ответов нет смысла.

Он и не слышал. Успел запомнить о постыдных грезах и даже болючей царапине на шее. Забыл обо всем, кроме одного: он должен немедленно отдать Сата. Будто само провидение в темя нашептало.

– Это очень сильный Са... – проглатывая слова, заговорил быстро, – орлиный Сата. Я нашел его, когда залез на скалу с Болот... помнишь? С тех пор он у меня... А теперь отдаю тебе.

Брови Илинэ приподнялись:

– Зачем?

– Он приносит беду, если попадает в руки недоброму человеку. Или существу.

– Какому существу?

– Мне нельзя его хранить! Камень увеличивает чувства, а я... плохой человек! – теряя терпение, вскрикнул Атын.

Илинэ передалось его смятение:

– Ты не плохой.

– У меня есть враг. Такой же, как я... То есть я – сам себе враг, понимаешь?

Атын вложил кошель девушке в ладонь.

– Что мне делать с Сата? – она совсем запуталась.

– Просто спрячь подальше, как только придешь домой. А лучше – не дома.

– Но куда?

Она все еще ничего не могла сообразить! Неужели все женщины так глупы?! Самое подходящее время для щелбана! Атын расстроился, а больше того, разозлился. И тут Илинэ радостно воскликнула:

– Ой, я знаю, где спря...

– Молчи! – закричал он, подскочил и больно притиснул к себе ее голову. Чуть не задушил, зажав широкой ручищей... Тут же выпустил, но Илинэ поняла – все серьезно. Слиш-

ком серьезно и по-настоящему страшно. Надо было бежать сразу, как только она об этом подумала.

– Прости, – пробормотал Атын. – Я – дурак... Потом все объясню.

– Да, да, – шептала она, пятась.

Он дышал тяжело и прерывисто:

– И вот еще что: если я когда-нибудь начну требовать камень, не отдавай его мне!

– Да...

– Не говори, где спрятала!

– Да, – пообещала она.

– Ни за что! Даже если буду угрожать!

Она, наконец, побежала.

Он уставился на тропу у подножия склона, хотя Илинэ давно скрылась. Бичевал себя самыми черными словами. Какое могло быть провидение, какой шепот в темя! Стукнуть бы хорошенько по этому глупому темени, да некому!

Только в конце разговора Атын сообразил, что Соннуку ничего не стоит догадаться, кому он поручил спрятать Сата. Скоро близнец наверняка начнет преследовать девушку. Может заявиться и белоглазый!

В голове с готовностью зазвучал ненавистный голос: «Сестричка обещает стать красоткой... милая крошка, названная истинным именем Большой Реки... Ей никогда не понять человека-мужчину, у которого совсем другой, подлинный мир – грубый, мощный, прекрасный в своем величии...»

Как посмел Атын, уже битый игрою с чужой жизнью, рисковать Сюзом дорогого ему человека? Почему не догнал Илинэ, не забрал Сата обратно? Зачем всучил ей этот проклятый камень, который приносит несчастья?!

Все сказанное и совершённое, чего нельзя было ни вернуть, ни поправить, беспощадно раздирало заблудшую душу в клочья.

* * *

Атын сдержанно кивнул домашним, будто из коровника пришел, а не в горах был едва ль не седмицу. Молча пообедал со всеми и снова закрыл за собою дверь, уходя.

Темным взором проводил Тимир статную спину пасынка. Умеет, гаденыш, невозмутимость выказать. Вымахал в детину, хотя всего-то семнадцатая весна ему. Руки крупные, словно нарочно для кувалды литые. На шею хоть сейчас бычье ярмо вешай и полные сани дров из леса вези. Кому скажешь – не поверят, что все это ядреное добро нажито в домашней суетне, какую и трудом стыдно назвать. Работа ли – дом-двор прибрать, походить за скотом, подоить-накормить, навоз вычистить? Бабы хлопоты! Тимир аж сплюнул в досаде.

Кузнецы вначале недоумевали, почему хозяйский сын не просится в кузню. Потом привыкли считать его кем-то вроде дворового работника... Э-э, да чего толочь запоздалые мысли! Раньше надо было думать, когда стыд крушил, что осрамит мальчишка, не показав наследного умения. Боязнь влезала – ну как узрят неродство приметливые кузнецы? А теперь поздно парню ремесло догонять.

Тимир все чаще искал сходства Атына с черным отшельником Сордонгом. И не находил. Ничего у них не было общего, кроме носа с горбинкой.

Намедни неприятно царапнула сердце, издевкой примнилась похвала Бытыка: «Экий орел у тебя подрост!» Потом пригляделся – оказалось, что нос с горбинкой и впрямь придает парню независимый вид. Кузнецу вдруг страстно захотелось поверить, что этот молодец, приятно привлекающий взоры, – его родной сын. Но тогда же пришла и другая, трезвая мысль. Восемнадцать весен назад в Уране еще ярилась упругая бабья сила. Могла ли она,

высокая и дородная, мужу под стать, миловаться с немощным, неряшливым старикашкой? Полно, Урана, с ее склонностью к красоте и опрятности, рядом бы с ним не села. Должно, старый сводник только сблизил бабу бесплодного кузнеца с доброхотом, согласным пособить зачатию...

Долго пекло желание узнать имя соперника. Душу сжигала жажда сполна сквитаться за все весны унижения. Но не стал требовать от жены настоящей правды. К чему она, эта правда, эта новая боль, когда со старой только-только с грехом пополам начал смиряться? Без того Урана хворью наказана.

Покорность судьбе претила Тимиру, встревала в его властную суть как кость поперек горла. А все же кузнец предпочитал жить с болезненной костью, поскольку противоречащего самолюбию стыда в нем было больше. Или маской стыда прикрывалось в нем самолюбие?

Так или иначе, Тимир подозревал, что Дилга нарочно продолжает тыкать его мордой в лужи чьей-то вины, будто кутенка. Должно, коварному богу судьбы любопытно поглядеть, хватит ли у гордыбаки терпения...

Безропотно перегорело в Тимире ожидание ребенка от Олджуны. Он ее в этом не упрекал. Сам виноват: следовало хорошенько подумать о выборе баджи, не жениться на первой попавшейся. Соблазнила молодым здоровьем, лживой невинностью!

Понятно, почему оказалась бесчадной. Худое кровное родство не смоешь водой целой реки. Сытыганский род душегубов, блудниц и сумасшедших давно проклят...

Лукавый ньгамендри растравил тихо тлеющую в сердце рану. Всадив в молот тягостную злость на шамана, Тимир отложил работу и отправился поглядеть петли на заячьих тропах.

Морозец крепко схватил тропу, но рано было сторожить ловушки на соболя, стрелять белок и бурундуков для приманок. Осень не торопилась уходить из леса, и Тимир не стал спешить. Пока Мойтурук носился по дымчатому паволоку, принохиваясь к волчьим поскребам, кузнец отпустил коня на подгорном лужке и присел на удобный валун. Любовался сквозным перелеском, где в дырявых рябиновых купах рдели в закатных лучах низки ягодных бусин.

Злость отпускала острые когти, вонзенные в сегодняшнюю душу. Думал о соболиной охоте с Мойтуруком, когда выпадет снег неглубокий, чтобы собаке было бежать хорошо, но и не мелкий, чтобы лошади не скользили. Пес вырос добрым подспорьем добытчику. Наловчился отыскивать и загонять зверьков на деревья, успевай только лук рядить.

В начале Месяца кричащих коновязей соболь играет свадьбы и протаптывает в снегу пахучие тропинки. Мойтурук их живо находит, но бегать с собакой в сугробах не больно сподручно. В ход идут черканы, неприметно установленные на тропках.

На обратном пути пес громко залаял. По рухлядным Мойтурук подавал другой голос, а тут лай был тревожным. «Хищник», – понял Тимир. Конь на бегу прижал к голове уши, скосив в сторону паволока вытаращенный в испуге глаз.

Снизу на ель тяжело поднялся ворон, раздосадованный неожиданным появлением собаки и человека. Мойтурук неистово призывал к чьему-то недавнему пиршеству. На земле в отдалении друг от друга валялись голова и освежеванное туловище белой собачонки. Ворон не улетал. Ждал ухода непрошенных гостей и с наглым бесстрашием вертелся на ветке.

Тимир поежился. Говорят, ворон – дух-предок девяти шаманских родов... Но собачку задрал, конечно, не он. Приглядевшись к птице, кузнец понял, что это не ворон-зимовщик, а ворона. Скорее всего, птицу подранили, не смогла улететь со стаей в Кытат. Ворона казалась необычайно крупной, клюв как долото...

Видимо, неведомый хищник выпотрошил добычу второпях. Пожирал вместе со шкурой – значит, голоден был. Но почему не доел или не закопал хотя бы в палые листья, оставил столь роскошные обеды зверькам и птицам?

Кузнец кивнул вороне: не мешаю тебе, и отъехал.

По пути Мойтурук зарычал страшно, хрипло, дыбом поднял мощный загривок. В кустах промелькнула пепельная тень. По краю паволока, как-то странно вихляясь и подпрыгивая, бежал огромный волчище.

Тимир сердито прикрикнул на пса, готового кинуться вслед.

Волки издавна делили долину с людьми. «По негласному уговору, вот так вот, э-э-э», – говаривал старый Балтысыт. Серые не допускали к Элен сородичей из других лесов и сами не трогали скот, принадлежащий двуногим соседям. Волк, что посмел загрызть собаку, явно не знал местных обычаев. Может, задавил собачонку у какого-нибудь аймака и принес сюда.

Стало быть, близ человеческого жилья бродит опасный зверь. Это была весьма неприятная новость.

Небесные ярусы незаметно заволоклись сплошными облаками. Выпал долгожданный снег. Небо опаматовалось, вспомнило о грядущей зиме и спешило убрать обнаженную землю в белую шкуру мягче нежной шерстки на пуповине рыси. Недаром небо вчера вечером багровело – знать, вываривало снежный суорат.

Невинная снежная прохлада успокоила Тимира. Ездил-шагал по лесу умиротворенно, отдыхая душою. Домой повернул коня только в сумерках. Подъезжая почти уже к ночи, увидел свет в кузне. Кто-нибудь из ковалей мог лить красную медь либо выполнять срочный заказ...

Что-то слишком часто в последнее время ночная работа не давала роздыха кузнечным инструментам. А если неугомонная ребятня наловчилась ковать без взрослого надзора? Драгоценного угля зазря нажгут! Вещи попортят, сами поранятся, не сумеют правильно рудную нечисть изгнать... Ох, и задаст сейчас своевольникам хозяин кузни!

Дверь открылась бесшумно. Голый по пояс, в кожаном фартуке, кузнец стоял спиной к двери и не заметил вошедшего. «Чанг-чанг! Чунг-чунг!» – весело стучал молот. Отсветы красного огня кувыркалились и вспыхивали на тугих мышцах ладно скроенного костяка.

На наковальне пламенела полоса железа. Блестящие от пота руки поднимались с оттяжкой, тратя мощи при замахе ровно столько, сколько требовалось дляковки. Тут и непосвященный бы понял, что видит перед собою изрядного умельца. Тимир мог ходить позади сколько угодно: молодой человек был столь увлечен делом и углублен в себя, что ничего вокруг не видел и не слышал.

Но не до ходьбы-шума было главному кузнецу. Устойчивые ноги ни разу его не подводили, а тут дрогнули и подломились в коленях. Не сводя с ночного мастера потрясенных глаз, проехался вниз по ребристому косяку двери. Едва успел нащупать сиденье скамьи у порога, не то сверзился бы на пол. А как уселся, так и остался сидеть безмолвно, растерянно, только смотрел и смотрел. Дай волю, упробил бы госпожу-утро повременить, чтобы за всю ночь всласть наглядеться...

Рука наткнулась на что-то твердое в ровдужном лоскуте. Развернул – пластинка гладкая, маленькая, меньше ладони. Поднял ближе. Отраженный свет сальной площадки резанул по глазам. Тимир еле вскрик подавил – очутился лицом к лицу к себе самому!

Изделие было чище бронзового отражателя исчезнувших с Земли кузнецов орхо. Видно, сработал его владелец искусного секрета, наследник великих кузнечных кровей. Тимир дохнул на пластинку, наблюдая, как медленно сходит пар с матовой поверхности. Словно с воды, пущенной литься по черному серебру, да вдруг застывшей никогда не тающим льдом. Завернул в лоскут удивительное глядельце и положил обратно.

Разгоня размягченный послековки булат верхним клином бойка, Атын не видел отца даже сбоку. Поворачивал огненную полосу на ребро, сужал ее и удлинял подбойником, послушным ударам кувалды. Пылким осиным роем летали вокруг красные и белые искры.

Урана не лгала! Ухищрения ее со снадобьем Сордонга... Ворованный батас, отданный отшельнику за чудодейственные капли... Лицо честное, долу опущенное – испуганное,

виноватое... Ох, Дэсегей! Все, что говорила жена, – правда. А главное – сын. Сын, продолжатель великого рода!

Тимир вытер слезящиеся глаза. Казалось, в этом искристом свете они начали очищаться от песка давно брошенной кем-то горсти. Они наконец узрели в Атыне истинно самородного мастера. Про таких говорят «с молотом рожденный»! А он-то, Тимир, пустоголовый ревнивец, себялюбивый глупец... Что ж он-то натворил за пять безрассудных весен! Все эти годы хладнокровно, неторопливо убивал любимую жену, которая подарила ему прекрасное дитя! Он, сравнимый с безумным батасом, резал собственный черень! Он своими руками крутил ремень несчастья, чинил надменные запреты наследнику, который есть и будет выше его в мастерстве и лучших человеческих свойствах!..

Так ужасался себе Тимир, гостем сидя в прародительской кузне.

Поверх обвиняющих мыслей всплывали другие. Незнакомое, радостное волнение перехватывало горло.

Внешне парень был точно таким же, каким Тимир помнил себя в зеленых веснах. Узкий торс, тугие бедра, высоко поставленные могучие ноги – кованые, говорили люди. Как прежде-то не замечал? Ох, и счастье, что правда маслом всплыла над черной неправдой-водой! Теперь Тимиру не будет страшен последний выдох в мехах не втуне прожитой жизни. Есть кому воткнуть в могильный холм кузнечную лопату, когда промчится последний жизненный круг!

Атын оборотился, вытирая о фартук запачканные окалиной руки. И остолбенел. Два кузнеца, пожилой и юный, глядели друг другу в глаза целую вечность. Парень первым нарушил гулкую тишину:

– Зачем ты здесь?

– Затем, что я – твой отец.

– Ты мне не отец! – дерзко выкрикнул Атын. – Лучше никакого, чем такой, как ты!

– Я – твой отец, – сказал Тимир спокойно и твердо. – Я понял это только сейчас. А до того, это правда, полагал, что ты – дитя другого человека. Но теперь уверен: ты – мой сын, и готов просить прощения за каждую обиду, нанесенную мною.

– Если начнем считать обиды, среднего осуохая не хватит, – усмехнулся юноша и, повернувшись спиной к двери, опять взялся за молоток.

На наковальне рдел будущий меч. Славная была работа. Будто только и делал Атын сызмальства, что оружие ковал. Тимиру вспомнилось: «Доброе серебро узнают по плавке, доброго кузнеца признают по ковке».

– Ты – коваль, а не воин. На что тебе меч?

Сын промолчал, но спина его дрогнула. и плечи настороженно сжались. Тимир подождал немного и снова вклинился в паузу стука:

– Эй, имеющий джогур кузнеца! К чему тебе боевой болот?

– Будет чем с демоническими звездами порубиться с Каменного Пальца, если главный жрец разрешит.

– А серьезно?

– Пришла пора освободить землю от одного негодяя, – вздохнул Атын, не оборачиваясь и не прекращая ударов.

– Грозил он тебе?

– Нет... Но мой меч скоро будет готов.

Ответ понравился Тимиру. Ишь ты, «меч скоро будет готов»! Ему теперь все нравилось в Атыне. Родная плоть и кровь, сын утраченный и вновь обретенный! Такой же горячий и гордый, как он сам! А еще Тимир отметил, что голос парня возмужал, сделался нестигаемым, как у настоящего человека-мужчины.

– Не я ли тот, кому твоя ненависть обряжает Ёлю? – поинтересовался весело.

– Не ты.

– Кто же?

– Тот, у кого глаза недобрые.

– Что за человек?

– Надеюсь, не понадобится, но на всякий случай, – сказал Атын. – Если его приведет Такой же, как я.

– Такой же, как ты? – удивился крепко озадаченный Тимир.

Он ожидал объяснений, но сын не стал ничего объяснять. Быстро убрал за собою, подхватил со скамьи отражатель лиц. Молча вышел из кузни, бочком обогнув колени сидящего у двери отца, как досадное, но неизбежное препятствие.

Домм четвертого вечера Когда падал снег

Недюжинный ум и отменное чутье нестарого волка, его промысловая сноровка и навык предводителя были сокрушены собственной хворой лапой. До прошлой весны он верховодил красивой стаей, обитающей далеко отсюда. Дерзкое везение сопровождало его до тех пор, пока в набеге на лошадиный косяк дурно хрястнувшая спина не испытала страшный удар судьбоносного копыта. После поврежденный хребет кое-как зажил, но непрерывное нытье в правой задней лапе болезненно поджало ее, и щадимая конечность отказалась трудиться в беге наравне с другими. Поэтому все, что делало полнокровной и яркой жизнь вожака – удача, охотничья хватка и умение повелевать, – оказалось позади.

Злополучная лапа одним махом выкинула его из владык в изгой. Стая не оставляет подбитых вожаков живыми. Чудом повезло: волки гнали косяк и покамест не стали рвать раненого. Бросили в густоте камышей, куда он улетел от удара, а чуть погодя мимо промчались двуногие на гулко топающих лошадях. Стая не вернулась отдать дань последнего уважения вождю. Он выжил.

Хромой волк зря ушел из родных мест. Он сожалел об успешной и добычливой жизни настолько, насколько позволяла жидковатая звериная память, ибо от былой жажды власти ничего не сохранилось. Кто ведает, откуда оно берется, это нравное чувство, где кроется – в голове или животе?.. Обрывистые мысли бывшего вожака до подобных тонкостей не доходили. Но уж то, что теперь ему не набить порожнее брюхо досыта, он понял сразу, едва лишь напряженные ноздри перестали чують привычный запах черты, им же некогда помеченной. За этой гранью простирался чуждый, враждебный мир.

С великим усердием и надеждой отверженный караулил зайцев на изгибах кривых троп. Готовился, если что, собраться с силами и взвиться в отчаянном прыжке, оттолкнувшись тремя послушными лапами. Помнил о том, как по весне удалось задавить сукотную, тяжкую в скоке зайчиху. На зубах его с тех пор не хрустело крупнее костей. Тоскующая утроба вынуждена была довольствоваться сусликами и мышами. Летом не гнушалась переваривать лягушек и луговых насекомых, что больше всего угнетало почему-то не голову, а лишнюю всякого рассудка недужную лапу. Она неумолчно требовала для излечения настоящего мяса. Не могла понять, привереда, что сама сдерживает добрую охоту. Ведь не догнать хромому волку по черной тропе даже старую больную косулю.

Одинец шел на север. Притянутое увечьем добавочное чутье подсказывало, что там его ждет неведомое спасение. Влекущее место было похоже на громадную дыру, которая колыхалась в воздухе, как поставленное набок озеро. Волк не дивился тому, что оно не проливается, не пытался осмыслить, кто и зачем понуждает его из последних сил тащиться в неизвестную даль. Он слепо и безудержно повиновался могучему зову.

В долине ему не нравилось. Вторгшись в чужие владения, он чувствовал себя неудобно, но голод стал невыносимым, и пришлось задержаться. Волк прилежно запоминал узоры извилистых троп и старался не выдать себя здешним обитателям – каверзным лисам, а главное – сородичам. При нынешней осмотрительности это оказалось не столь уж сложно.

Окаймленная горами долина была обширна, но издавна гнездившаяся в ней стая предпочитала охотиться на ветвисторогих за горным поясом. Семейство из семи разновозрастных волков водила матерая волчица. Тройка прибылых предвкушала торжество первой большой охоты. Недоросли нетерпеливо ждали прощания с логовом и родными угодами до весны, а может быть, насовсем. Напоследок волки шастали по просторным болотинам и поемным лугам, оттачивая охотничьи приемы на кабаргах. Те изредка опрометчиво спускались со скал лакомиться хвощом, что остается в падах зеленым всю осень и даже под снегом.

Влачить боязливую жизнь одиночки тягостно всякому созданию. Безжалостная правда звериного бытия притупила чувства и обострила ощущения калеки. Умудрила его отказаться от душистых метин, как бы ни ломал соблазн оставить во временном прибежище весть о своем гостевании. Страшась встречи с хозяевами низин, он поневоле приближался к жилью двуногих, откуда смачно и гибельно несло навозом. Так было безопаснее, а скудоумные псы не брехали – одинец быстро разгадал пределы возможностей их обоняния.

Днем он отдыхал в расщелине горного кряжа. Ночами же, следуя прихотям ветров, бродил по меже, тщательно выкроенной им в паволоке у прозрачного рябинового перелеска, вне досягаемости слабоватого собачьего и мощного волчьего нюха. Готовый мгновенно раствориться в спасительном сумраке, всеми порами вдыхал морозную тишину. Летучий коровий дух доверчиво носился в воздушных струях над всей долиной и порою сводил с ума, но умноженная страхом осторожность пока что преобладала над безумным желанием забраться в коровник и всласть вкусить горячей живой плоти перед неизбежным концом.

Волку повезло, когда он, мучимый голодной бессонницей, отправился на свое место днем и, как обычно, засел стеречь за кустами на взлобке у заячьей тропы. Вначале до напряженного слуха издали донесся голос маленького двуногого. Потом верный нос почуял кисловатый аромат человеческой кожи, смешанный с псиним душиком. Двуногий детеныш, бесчувственный к каким бы то ни было подозрительным запахам и звукам, храбрый от неведения страха и боли, горланя веселую песенку, бежал по тропе. За ним поспешала худосочная белая собачонка.

Волк пригнул тряские уши к затылку. Проехался на поджатом хвосте по пригорку, покрытому льдистой коркой листвы. Рад был бы с головою нырнуть в стылый дерн сквозь палые листья. Но вдруг, мешкая, приподнялся и уши вновь наострил. Потянулся к следам, благоухающим жарко и густо, как свежая кровь. Походил по ним, чувствуя, как снисходит к нему невозмутимость. Манящая слабость и легкомыслие этих двоих, не приспособленных к суровой жизни в Великом лесу, выветрили из головы остатки страха.

Подобных надо уничтожать до того, как наступит время их любви и продолжения рода. Тогда они не оставят потомства, которое может унаследовать предосудительную немочь, пустую в охоте и бытии, опасную для дальнейшего благополучия родовых колен. Если не чьи-то клыки и когти, то сама жизнь все равно раньше срока раздавит хилые капли Сюрор по велению беспощадной звериной правды. О ней ли не ведать хромому волку!

Одинец сглотнул слюну... Он хотел есть. Он жаждал жизни не меньше беспечного детеныша и никчемного пса. Возможно, сильнее, потому что знал ярость борьбы за нее. Для поддержания своего измученного Сюра ему была жизненно необходима целебная плоть кого-то из них.

Увидев волка, детеныш пронзительно закричал, а собака зашлась в истошном лае. Хищник помедлил и ошетинился. Человеческий голос резал слух. Вопли подхлестнули одурманенную голодом память и напомнили о других двуногих, грозных и сильных. Они скакали на топающих лошадях, эти чудовища, чьи верхние конечности заканчивались убийственными жалами и смертоносными палками.

Детеныш помчался как мог быстро, продолжая кричать. Волк сомкнул челюсти на тощей шее поздно опомнившейся собачонки. Он уже забыл о детеныше и угрозе появления его взрослых родичей.

Маломощная добыча недолго сучила лапками. Из разодранного горла хлынула блестящая кровь и разлилась по земле густой лужицей. Багрово-сизые, умопомрачительно сочные внутренности душисто дымились в морозном воздухе рябинового паволока. Урча и повизгивая, одинец торопливо глотал мясо вместе со шкурой. Он купался в вожденной крови и плоти, вкушая блаженство. Он ощущал себя заново явленным в первый на Земле день охот-

ничьего рождения, который только что открыл бесконечный круг поглощения и воссоздания. Жизнь в хромом волке ликовала как никогда, и не было на свете ничего вкуснее ее.

Но вот уж немилость судьбы и случая! Послышался лай крупной собаки, и, прежде чем волчью голову стеганул жгучий ужас, одинец понял, что счастье кончилось. Явились-таки двуногие. Подобрал непокорную лапу, калека запрыгал прочь. Славное место сулило ему глотки потерянного здоровья с каждым куском, и так внезапно, так горько обмануло его кажущимся безлюдьем. Волк еле добрался до потаенного убежища в расщелине кряжа и принялся выкусывать песью кровь с шерсти. Будь он человеком, он бы заплакал.

Погодя обнаружилось, что жилистое мясо собачонки не в состоянии восстановить силы, траченные на испуг и побег из вероломной межи. Волк опустил морду на передние лапы и попробовал задремать. Но и тут ближняя тропа зазвенела от поступи двуногого. Отзвук шагов дробью раскатился в ущелье. И тотчас с вкрадчивым шорохом, заглушив все шумы, посыпались хлопья пушистого снега.

Одинец взволнованно клацнул зубами, ловя знойной пастью прохладные снежинки. Подразненное собачонкой брюхо сводило мучительной судорогой неудовлетворенной жажды. Брюхо требовало и лишало рассудка. Оно алкало довершить прерванный праздник, чего бы это ни стоило растревоженному хозяину, и превращало его смятение если не в отвагу, то в безрассудство.

Двуногий оказался юной самкой, очень нежной и, наверное, очень сочной. Она не заметила трусящего за спиной хромого волка. Помедлила у дуплистой сосны и скрылась в пещере под невысокой скалой, на которой замысловатые ветра и время вырубili подобие человеческого лица.

Одинец мог захватить добычу прямо там, в естественной западне, что было бы удобнее и вернее всего. Но он знал, что пещера, легко впусившая двуногую, закроется перед ним. Так уже было однажды, когда он сунулся туда из любопытства. Вот и теперь, едва подступил к сторожу-валуну, вход замкнула огненная стена. «Домм-ини-домм!» – грозно гудело призрачное пламя и плевалось шипящими искрами.

Повернув обратно, волк наметил каменный выступ, нависший над нижним поворотом тропы. Должна же двуногая самка когда-нибудь выйти из пещеры! Точнее выверить прыжок, и жертва заверещать не успеет. Лишь бы проклятая лапа не подвела.

* * *

Снег пришел – как стало свежо и чисто! Илинэ вспомнила загадку дружинного мясоеда Асчита о снеге: «Говорят, он многочисленнее всего, да не прочнее всех». А еще слова тетушки Ураны о том, что северяне различают в белом цвете четыре двадцатки оттенков. Они разные в каждом отдельном месте Великого леса. Белый цвет снега – цвет правды, торжественной и непорочной. Он чист, как чист плотью и мыслями божественный Дэсегей.

Верхние ярусы творили древний и вечно новый Круг юной небесной воды, который всегда начинается снегом. Пышные кумысные хлопья навевали сон, шурша кротко, сладко, словно нашептывали колыбельную песню. Падали в ладони и превращались в прозрачные росы.

По сосновому стволу проскользнул юркий полосатый зверек. Притворился корявым сучком, поглядел вниз блестящими глазками и бесшумно тронулся дальше, радуясь воздушным перьям. В детстве Илинэ с Атыном ставили под деревьями старые верши, надеясь поймать бурундука и приручить...

Малозаметная тропка, бегущая когда-то мимо Скалы Удаганки, давно заросла. Чужая человечесья нога здесь не ступала, не мяла густые кусты. Только сорванная ветка указывала, что прошел какой-то зверь. А Илинэ бурундучок видел часто и не боялся ее, считая своей.

Залез в дупло и по-хозяйски выкинул оттуда сухое синичье гнездо или нечаянно задел коготками проворных лапок. Она подняла оброненное. Погладила пальцем свалянную подстилку из косулей шерсти. Весною матушка-синица храбро выдирала клочки шерсти на спине у пасущейся косули, чтобы птенцам было тепло и мягко.

Илинэ подвесила гнездо на заснеженную ветку. Замерла перед входом: здесь ли ты, моя Иллэ? Девушка приходила в пещеру редко, боясь ненароком протоптать тропу, вызвать подозрения жрецов частым следом. Либо, чего доброго, встретить Сандала.

Слава богам, не случилось дурного с волшебной кобылицей. От застигнутой в движении, исполненной полета и ветра красоты ее, как всегда, дух занялся. Лебяжки крыла, широко раскинутые в размахе, стремились вынести на волю предводительницу табуна небесных удаганок. А может, хотели обнять Илинэ, застывшую в восторге и невнятной печали? Блестел выпуклый глаз, наливаясь, чудилось, небесной росною влагой.

Видел ли Иллэ главный жрец? Наверное, с того времени, как говорил тут с Илинэ, он больше не бывал в пещере. А то непременно бы поинтересовался, кто посмел изобразить небесное создание, имеющее душу. Да и Атын забыл о нарисованной им кобылице. По крайней мере, не ходил сюда, Илинэ бы знала. Вот и хорошо. Где, как не здесь, спрятать Сата?

...Как незнакомо и сумрачно брат смотрел на нее! Неужто не поблазнилось, и взаправду холодная неприязнь скользнула в его усмешке, резанувшей сердце обидой? Должно быть, взвешивал, сестре ли поручить Сата. Отчего не отдал Дьоллоху или Билэру? Чуть голову ей не расплющил, с силой прижав к себе! Не дал сказать о Скале Удаганки. Велел молчать о Сата, даже если сам будет спрашивать...

Илинэ казалась близкой разгадка перемены поведения Атына. Надо только собрать растянутые по времени детские воспоминания одно к одному, как ягоды в туес, и тогда что-то прояснится.

Боковое зрение уловило полыхнувший у входа огонь. Оглянулась удивленно – нет никакого огня. Видно, шаловливый сквозняк взмел снежную горку над валуном. Или все-таки кто-то мимо прошел, затаился вблизи?

Меньше всего хотелось Илинэ, чтобы кто-нибудь ее тут застал. Она украдкой поднималась к Удаганке, делилась с нею нехитрыми радостями и печалью с тех пор, как та позвала. Скала с суровым лицом, которую Илинэ полюбила не меньше, чем матушку Лахсу, знала о ней все. Скала да крылатая Иллэ...

Девушка села у стены под копытами кобылицы. Достала из-за пазухи кошель с волшебным камнем. В мыслях всплыли слова Атына: «Он приносит беду, если попадает в руки недоброму человеку. Или существу... Камень увеличивает чувства, а я... плохой человек! У меня есть враг. Такой же, как я... То есть я – сам себе враг, понимаешь?»

Она не понимала. В чем брат каял себя, о каком существе поминал?

...Приносит беду.

Руки страшились развязать узелок. Но и любопытство снедало: может, Атын пошутил? Может, в кошель всунута обычная речная галька?

Все же чуялось – нет, не простой камень. Легонько попыталась прощупать, какой он, и пальцы сквозь тонко вымятую кожу овевало щекотливым теплом. Илинэ отдернула руку. Сами по себе, без солнца, камни теплыми не бывают... А Сата затрепетал на коленях: ну же, не бойся, открой!

Не сразу дрожащие пальцы решились потянуть узел-туомтуу в разные стороны, и Сата выкатился в ладонь.

Илинэ тихо засмеялась. Как могла она бояться веселого блестящего гранника размером едва ли не в треть меньше ее кулака? Он оказался почти горячим на ощупь, будто живой... Он и был живым! Подрагивал мелко и нетерпеливо, а когда поднесла к свету, по всей пещере

разбросались солнечные лучи с пляшущими серебристыми пылинками. Потом, только ахать успевай, волшебная штучка начала медленно расти и поворачиваться на ладони.

Запорхали радужные блики, точно бабочки замельтешили пестрыми крылышками, или пошел разноцветный снег! Лучезарные углы Сата вспыхивали новорожденным светом, отблески взрывались сполохами, и все вместе переливалось, искрилось, реяло и сверкало в сквозистом воздухе.

Илинэ всмотрелась ближе и вскрикнула, увидев себя в каждой грани. Каким бы боком ни повернулся камень, везде отражалась она! Под темными, вразлет, бровями, смеялись смородиновые глаза. На разруганных щеках играли круглые ямочки. От ровных зубов отскакивали снежные искры!

«Знаешь ли о том, какая красивая ты? – прошептал Сата, ластясь к руке. – Каждая твоя грань прекрасна по-своему».

– Не говори так, – смутилась Илинэ вслух. Замешательство не дало ей удивиться тому, что камень умеет вникать в мысли.

А он сказал:

«Лгать не умею... Красивая!»

Илинэ прикрыла ладонью, дабы не искушать на похвалу и самой не соблазняться. Ведомо было: люди тоже, кроме матушки Лахсы, полагают ее красивой. Не однажды доводилось слышать подобное. Матушка же ворчала: «Нашли казистую... Худа не в меру, глазищи в пол-лица – где пригожесть-то? Хватает в Элен девиц смазливее!» Плевалась в сторону, отводя возможную порчу. А еще, вздыхая, говорила, что внешняя красота дана человеку мудреным Дилгой, в любое время гораздым отнять подарок либо забрать взамен счастье. Поймешь ли загадки бога, который вертит ытык судеб, как ему заблагорассудится?

Лахса наказывала дочери, чтобы та не больно думала о своей якобы красоте. А Илинэ и не думала. Ну... почти. Свое превращение из длинноногого подростка в статную девушку она случайно заметила весной, когда нагнулась с ведром на мостках к спокойному озеру. Донце ведра тотчас разбило чистое отражение. Пришлось ждать, пока порушенная гладь вновь уляжется. Илинэ поразились ладности возникшей перед ней незнакомки, хотя знала, конечно, что растет и преображается. С некоторых пор не без тревоги следила за неожиданной переменой. Тело ее округлилось в иных местах, а в поясе, напротив, истончилось. Но у озерной девушки силуэт был совсем незнакомый, обтекаемый солнцем в изгибах нежно, как стройный чорон.

Позже выяснилось, что и голос Илинэ сделался глубоким, незаметно избыв девчачью писклявость, поступь стала летучей и волосы шелковистее. Ниже колен спускалась кудрявая коса-морока, предмет скрытого тщеславия матушки Лахсы. Дружинный мясовар Асчит, весельчак и загадчик, однажды на празднике Новой весны дернул Илинэ за косу и проворковал: «Без семян, а лучше травы растет!»

Илинэ вздрогнула, вспомнив Кинтея, его липучий мушиный взгляд. Парень стоял тогда поблизости и слышал слова Асчита. В бесстыжих глазах ясно читалось желание накрутить ее косу на кулак. Вымахал в жердину, пора быть женатым, а никак не выветрится из злого сердца детская неприязнь к «тонготскому подкидышу». Отчего же все-таки Атын похоже смотрел?..

Между пальцами пробился свет. Будто рука повернулась к солнцу, аж косточки насквозь прошибло алым сиянием. За разговором с памятью Илинэ забыла о Сата. Восьми-лучистый камень дышал под ладонью мягко, как сонный зверек.

Девушка оглянулась вокруг:

– Куда бы тебя надежнее спрятать?

Со стены послышался вздох не вздох – словно ветерок слабый подул. Илинэ подняла незанятую руку, и ветерок окатил запястье прохладой, обвил воздушным кольцом, маня за собой к круглому окатышу-глазу Иллэ.

Вроде осторожно коснулась нижнего века лошади, а глазок-то возьми и выпади! Обнажилась щербина, которую он прикрывал, отворилась мертвая глазница. И, прежде чем охнуть и сокрушиться, что кобылица ослепла, Илинэ поняла, что та подсказала ей лучший схорон для волшебного камня. А он вострепел, обрадовался – чем же и стать ему, как не чистейшим оком предводительницы табуна небесных удаганок! Убавился, сделался меньше, чем был вначале, и вошел ровнехонько, будто в нарочно заказанное дуплецо.

Новый глаз засиял ярче прежнего. Чуткая зеница, окруженная светящейся радужкой, проявилась в хрустальной глубине. Старый окатыш-глазок, четыре весны служивший Иллэ верою-правдой, девушка сунула в кошель вместо Сата – оберегом будет. Долго любовалась чудесным ликом лошади. Впрямь лик, мордою не назовешь...

Вспомнился день давнего засушливого лета, когда Атын с Болотом влезли на скалу. Брат сорвался и, к счастью, попал в орлиное гнездо. Нашел там Сата. За шалость ослушники были крепко наказаны. Болота мать проучила прутом, седмицу сидеть не мог. А брат заболел. Хворь накинута хищная, лютая. Жизнь и смерть наяву боролись, выкручивали и выжимали Атына каждая в свою сторону...

Илинэ вздохнула. В то время она была брату близка. Это Дьоллох только-только начал взростеть. Стеснялся, что приходится с младшими водиться, вести над ними, как важно говаривал, неусыпный надзор... После чванливости поубавилось. Должно быть, впрямь повзрослел. И все бы хорошо, да на девушек совсем не смотрит, хотя большинство ровесников женаты уже и детны. Лишь Лахса подступится к сыну с намеком о сватовстве, тот рукою досадливо машет – отстань, мол. Вечерами усталая матушка тужит о новой работающей хозяйке. Сменила бы ее в заботах, дом справно повела и за старыми родителями мужа доглядела. Ведь еще год, от силы два, и в чужую семью уйдет Илинэ...

Пусть бы Болот присватался к ней, чем чужой человек издадека. Страшно Элен покидать, не видеть больше своих и Атына. Недолго ждать невестку и тетушке Уране. Сынок, к материнской радости, привезет хозяйку из дальних мест, как завещано предками. Родовая кровь должна обновляться чаще, течь ровно, чисто, не застаиваясь недужной ржавью в потомстве. За наследного кузнеца девятого колена, к тому же пригожего и богатого, отдаст любимую дочь любая семья в Великом лесу-тайге.

Как-то примется невестка ухаживать за тетушкой? Уживется ли Олджуна с новой хозяйкой в доме? Поди, чуть что, браниться начнет, вечно всем недовольная...

Илинэ опять вздохнула. Не дело ей голову о сторонней жизни трудить, коли скоро станут они с Атыном друг другу вовсе никем.

А ведь она сегодня сразу сообразила – не зря догнал, причина важная есть. Давно не подходил потолковать просто так. Завидев сестру, обычно делает вид, что занят работой, и новостей не спрашивает. Обидно было Илинэ, что брат с Дьоллохом по-прежнему дружен, а ее избегает. Ну, не родной брат, а все равно близкий человек... Вместе же росли! Не будь этих неловкостей, Илинэ посещала бы Урану каждый день. Холила бы, обихаживала болезную, ведь не трудно, и обеим приятно. Всею душою жалела тетушку, видя, что никто во всем свете не любит ее... Даже Атын, кровный сынок.

Не раз хотелось его в том упрекнуть. Да не приманишь приязнь к сердцу, как синицу к коноплянному семечку на снегу. Крепкими узами привязано сердце к той, что грудью выкормила, вырастила с любовью и негой. Это ж только недобрые люди думают, будто стоит приемышу отлучиться от кормилицыной семьи, как он уже о ней не вспомнит. И нянька-де радарадешенька от него избавиться, благодарствуя на щедром отдарке. На самом-то деле некровные ближники порою так спаяны, что хоть ножом, хоть огнем разделяй – не разделишь.

Атын все пять весен, как ушел от приемных родителей, помочь им старается. То дров наколет, то льда привезет тишком, опасаясь лишний раз Тимира озлить. Нечасто приходит, чтобы матушку Лахсу не смущать понапрасну. А она, бедная, редким гостем счастливая, не знает, куда посадить желанного, чем угостить...

Сердце Илинэ горячей кровью обливалось, обоих жалеючи.

За входом ветер взвюлил, взмел кучку сухих листьев со снегом. Белые хлопья кружились празднично, вихрились живым столбом, словно сама юность взялась вытянуть Илинэ наружу. Спеша проторить неизгладимую тропку в ее будущую память, юность торопилась жить и радоваться лучшим дням, какими они потом вспомнятся со светлой грустью. Весело и настойчиво влекла за собою, в нетерпении танцуя у валуна.

Девушка поднялась на цыпочки, заглянула в таинственно мерцающее око Иллэ. Снова высмотрела себя – красивую...

Надо идти. Дома, верно, заждались. И сама соскучилась по старшему брату. Семь дней разъезжал далеко в горах по поручению малого схода. В пояс поклонилась крылатой кобылице:

– Храни волшебный камень, великая мать небесного табуна!

На душе отчего-то стало нехорошо. Пышно ляпнула, точно возомнила высоко об умении слагать песенные слова, которым вовсе не обладала. Тушуясь, погладила белый бок лошади. Захотелось шепнуть просто: «Матушка»... И самой себе изумилась, замешкалась. С чего бы еще подобные нежности?

Звон колокольчиков послышался где-то. Наверное, на горе у жрецов. Ветер призывно шуршал снегом и палыми листьями. Илинэ вняла зову, пошла задумчиво к выходу. Постояла у валуна, верного стража кобылицы, молясь Дэсегею. Попросила божественного жеребца поберечь Иллэ, замкнуть пещеру от посторонних с темными мыслями.

Взывать к Белому Творцу стеснялась. Да и вряд ли долетел бы ее ничтожный голос до девятого яруса неба, где живет Величайший из богов.

* * *

Остроглазый Болот издали приметил рыжее пятнышко, когда объезжал предгорье. Пятнышко быстро двигалось по крутой тропе, что вела на гору с Каменным Пальцем. Очевидно, в долине кто-то захворал, и человек спешил призвать лекаря к больному.

Так подумал парень за мгновение до того, как понял, что это Илинэ. Значит, кто-то занедужил в ее доме. Мысли наслоились одна на другую: женщинам заказано ходить к жрецам. Что же побудило девушку нарушить запрет?

Пока серый меринок приближался к горе, пошел первый в этом году снег. Вначале рухнула белая лохматая лавина, затем снег замедлился. Перистая стена стала крапчатой, как мелкоячеистый невод в синих водах Большой Реки, полный серебристой рыбешки-тугуна. А вскоре глаза, по привычке к снегопаду, снова стали зрячими.

Снег был пушист и спокоен. Конь не оскальзывался, забираясь вверх. В горах Болот быстро прокружил по тропам. Заглянул в расщелины, развернулся около Каменного Пальца и жреческих юрт, из которых никто не вышел. То ли в долину отправились озаренные, то ли наступило время молитв.

Илинэ как в воду канула. В тревожную голову закралось нехорошее подозрение. Не Отосут ли, а и того хуже, Абрьр, могут дать ответ, куда она запропастилась?

От дрянной мысли Болоту стало так гадко, словно он наступил на огненную сардану, расцветшую посреди тропинки вопреки зимнему холоду. Наступил, да еще втоптал в снег нежные лепестки, и они погибли под грубой пятой, как язычки живого пламени... Ответ-

ренные щеки парня загорелись от стыда сардановым цветом. Подставил лицо ветру и поскакал, сам не зная куда.

Кто дал ему право выслеживать Илинэ? Покамест Болот ей даже не жених. Неизвестно, удачным ли окажется обещанное матушкой сватовство на другой год после Посвящения. Если повезет сейчас найти девушку, как отвертеться от встречного вопроса, что он-то потерял в этих горах? Сказать: вот, дескать, прогуливаюсь здесь иногда от безделья, коню моему по скалам нравится лазить? Изворачиваться скользкой змеєю, лгать, улыбаясь криво растянутым ртом... Тьфу! Болот аж сплюнул в досаде. А что, если молвить, как есть: «Не могу без тебя?..»

Потянув поводья, парень уныло вперился в Каменный Палец, уставленный в небо несокрушимой твердыней. Подобным должен быть настоящий ботур – решительным и неколебимым... Ну почему, почему он, отпрыск двух славных воинских родов, такой всегда неуверенный?

Сколько матушка сил израсходовала, чтобы вырастить его мстящим воином! И ведь никто не скажет, что Болот не закален и не вынослив. Он, до сих пор не прошедший Посвящения, считается одним из лучших борцов заставы. Драться на кулаках с ним никто не выходит даже в праздничных состязаниях. Не потому, что большой и сильный. Есть в Великом лесу повыше ростом и могучее...

Весну назад на дружеской встрече с воинским кочевьем южных тонготов, пока старшие рассиживались в Двенадцатистолбовой за кумысной беседой, молодежь затеяла кулачные бои. И все не было перевеса у поединщиков – то тонготский сонинг победит, то эленец.

Одному чужому молодцу вовсе не нашлось равного среди молниеносных. Расхаживал меж своими, коренастыми, гора горой, огромный и долгорукий. Устрашающе поигрывал катучими шарами мускулов, хвастливо на всех посматривая. То ли отец его происходил из племени шаялов, что славятся великанским ростом, то ли мать... Ну, то не важно. Да только был, пожалуй, еще и покрупнее шаяльских родичей.

Кучка уязвленных ботуров вытиснула в ристальный круг упирающегося Болота. Кто-то крикнул: «Эй, непосвященного-то куда?» Слушать не стали, раззадоренные. Сонинги одобрительно загомонили: достойный противник человеку-горе!

Верзила оказался на полторы головы выше Болота, но кивнул, оглядев. Подойдет, мол, не бойтесь, не заставлю мальчишку долго страдать.

Почти треть времени варки мяса колошматил сонинг парня. Уже и Модун, выйдя из Двенадцатистолбовой, собралась бойню прекратить. К кругу прорывалась, расталкивая народ. А Болот, ослепленный болью, кровью и потом, не видел вокруг ничего и ни о чем не помнил. Знал только одно: стоять! Собирался избитым в сплошной синяк телом, складывался непокорной тальниковой ветвью, выпрямляясь с хрустом: стоять! Стоять, ты, рохля, именем Меч!

Только когда голова загудела глухим чугуном и плоть перестала ощущать боль, выбеленные беспамятством глаза вдруг ясно узрели мишень, которую Болот привык видеть перед собой на поляне двух кедров. Мишень – черное, издырявленное стрелами сердце... И он достал его кулаком! Бесчувственный к чужим ударам, вбивал в ненавистную цель оба кулака до тех пор, пока она не рухнула под рев толпы. Ошеломленный сонинг сдался, не веря тому, что малец его поборо.

А Болот выстоял. Перенес увесистые шлепки по плечам – так воины с обеих сторон выражали свое восхищение. Вытерпел уважительное, отнюдь не слабое объятие поколоченного сонинга, сумевшего кое-как подняться. Лишь волчком крутанулся после честной матушкиной оплеухи, отпущенной от всей души... Стоять, Меч, стоять!

Крепко досталось молодой чади от обоих багалыков. Хорсун совестил: без дозволения устроили чреватый обидами бой! В трусости ботуров обличал. «Что, удальцы, юнца

на потраву выкинуть не постыдились? Почему ты, ты или ты – с презрением тыкал железным пальцем – супротив тонготского дружника не вышли? Здоровенным вырос мальчишка, быков на плечах таскает играючи, так и в схватку его? Бесправильной дракой неломанного, Посвящением неиспытанного?! На миг вас оставить нельзя, норовите седины мои позором покрыть!»

Парни вздыхали тяжело, с ноги на ногу переминаясь. На Болота багалык и мельком не глянул...

Чужой коротыш-воевода щелкнул своего незадачливого сонинга в пузо. До лба не то что не дотянулся, а не смог бы и допрыгнуть. Рывкнул столь оглушительно – эхо пугливым зайцем заскакало в горах! Головы воинов враз пригнулись, будто все макушки срезало копьем. А старый тонгот повернулся к Хорсуну, хлопнул его по спине и захохотал. Брови нахмуренного багалыка разгладились – тоже рассмеялся. Кивнули друг другу, чем-то довольные. Может, каким-то соглашением в Двенадцатистолбовой...

К Болоту вернулось сознание. Поздновато, конечно, дошло, что не отлупили бы его, как набитый оленьей шерстью мешок для кулачного изощрения, решишь он показать матушкину выучку. А он не сразу насмелился причинить настоящую боль человеку, который не сделал ему ничего плохого. Ведь ристалище было всего лишь игрой. Это здравый рассудок, не стерпев односторонних побоев, разозлился и бросил хозяина. Оставил в мозгу одну цель, не покидающую никогда.

Болот содрогнулся. Не начни ребята восторженно мутузить его по плечам, он бы, безумный, наверное, убил человека.

Вот так кончился первый, покуда невсамделишный бой. Но стычка дала Болоту понять, что, перейдя за грань нерешительности, он теряет управление собой. Сонинги сели на оленей и уехали. Человек-гора, единственный среди них, возвышался на могучей коняге, а ноги все равно едва ль по земле не волоклись. Оглянувшись, дружелюбно помахал рукой на прощание.

Несколько дней Болот валялся дома больной. Слепая Эмчита, ворча, лечила его ссадины и синяки...

Славная матушка научила Болота ратному делу. Волю к победе он сам наострил не хуже лезвия своего меча по имени Человек. Но выяснилось, что достижение некоторых целей зависит больше от твердости нрава, нежели от воинского искусства, силы и даже сметки. Может, поэтому вполне созревший возрастом Болот все еще считался в дружине мальчишкой.

В детстве он был куда решительнее. Или просто сумасброднее? Вспомнить, к примеру, бессмысленное восхождение на скалу орлов, когда ему вздумалось показать Илинэ, какой он могучий и ловкий. Куда-де до него слабосильному Атыну! Высоко полагал о себе...

Матушка тогда хорошо постаралась выбить дурь из башки. Болот лежал поперек лавки с закушенной губой, молча вздрагивая от вжикающих потягиваний прута по спине. И вдруг, в какое-то мгновение, увидел перед собою не ребристую стену юрты, а девочку с вплетенными в косички красными бусами. В тот постыдный миг Болот догадался: она – тоже его цель. Правда, он не понимал, что с нею делать потом, по достижении. Он привык к цели, которую непременно надо найти и уничтожить. А на маленькую Илинэ ему хотелось смотреть, и только. Смотреть каждый день – безмолвно, недвижно, изо всех бушующих и, оказывается, совершенно ненужных для этого сил. Потому что подлинная сила была в ней: слабой и нежной девочке.

Илинэ вытянулась кудрявым деревцем, задорные косички превратились в летучие косы. Непостижимая сила ее продолжала выводить Болота из равновесия. Стало еще хуже! Прежде он при встрече хотя бы беседовал с нею по-человечески. Теперь же краснел, мучился и все не мог попрощаться. Стоял дурак дураком, пялился на девчонку и молол всякий вздор.

С ужасом слыша себя будто бы со стороны, нес околесицу еще глупее. Нерешительность его от отчаяния вновь грозила выйти за грань. А что за нею стоит в этот раз, Болот не ведал, и сам себя боялся. Не было, значит, в нем какой-то малой частицы, мелочи, очевидно, весьма-таки важной для воина.

Правильно Хорсун сделал, что и нынче, к великой матушкиной досаде, не допустил Болота к Посвящению.

В тот отказной день, покинув Двенадцатистолбовую с горящими ушами, огорченный парень спрятался за полуприкрытой дверью. Не сумел уйти от соблазна подслушать разговор матери с багалыком.

– Он еще не готов, – молвил Хорсун. – У него нет уверенности в себе.

– Мой сын достаточно смел и силен, – возразила воинственная матушка.

Багалык устало вздохнул:

– Мне рассказывали, как один очень сильный и храбрый, но нерешительный воин стоял возле утеса в карауле, когда началась буря и стали падать камни. Не дерзнув ослушаться приказа, он не сдвинулся с места, и его завалило.

Задетая за живое, матушка сердито сказала:

– А я слышала, как другой воин, который считал решительность главной доблестью, принял в ночи посохи трех бредущих стариков за вражеские копья и без колебаний порубил почтенных.

Наступило молчание. Болот за дверью обливался потом стыда, но не ушел. Дождался слов Хорсуна, брошенных с невнятной горечью:

– Мне хочется верить, что твоего сына ждет славная судьба, Модун. Судьба великого багалыка. Поэтому отношение к нему иное, чем к другим. Он будет сильнее меня. Не телом, но духом. Сумеет сдержаться, когда это будет необходимо. Не станет рубить стариков, которые не могут за себя постоять...

Матушка громким шепотом вскричала:

– Я совсем не тебя имела в виду!

– Знаешь ли ты, что нетвердость порождает в войне недоверие к любящим его? – продолжал Хорсун. – Яростные метания выводят такого ботура за грань разума. Одно за другим приходят к нему сомнения, гнев и безумие, а после он кается. И нет конца-краю вине... А неуверенность Болота странно смешана, напротив, с крайней доверчивостью. Но и подобная неуверенность способна подвести человека в миг испытания. Пусть же Болот не повторит ничьих ошибок и не наделает своих. Не зарубит стариков, но не даст и себя зарубить, не видя врага во враге. Жалея противника и веря ему на слово... Доверять всем и каждому можно было до Осени Бури. А по прошествии и нынче – нет. Тебе самой прекрасно об этом известно. И... прости меня, Модун.

Было слышно, как кто-то из них трудно сглотнул, и матушка тихо сказала:

– Ты прав. Но... я насилу собрала калым, багалык. После Посвящения собиралась женить сына. А теперь к девушке, которую он любит, может посвататься кто-нибудь другой.

Казалось, от полыхающих огнем ушей Болота загорится дверь Двенадцатистолбовой!

Хорсун, верно, улыбнулся – голос его повеселел.

– Одного года до сватовства хватит, не опоздаем! И к калыму прибавим из наших табунов. В скупости не упрекнут дружину Лахса с Манихаем! Если уж за скорою свадьбой дело станет, то и ее вслед за Посвящением спроворим с щедростью и молодечеством. По всему Великому лесу добрая молва пойдет!

Они еще о чем-то говорили. Болот не дослушал, кинулся прочь. Добежал до своей юрты и плашмя повалился на лежанку. Если он правильно понял, следующей весной Хозяйки Круга точно пометят зигзагом молнии его правую щеку?

Сбор калыма – вот в чем, оказывается, заключалось не свойственное матушке выкраивание всяческой выгоды, немало удивлявшее Болота в последнее время.

Смотреть на Илинэ! Смотреть каждый день – беспрепятственно, невозбранно! «К девушке, которую он любит...» Чуткая матушка увидела в нем то, чего он не знал. А теперь знает: его целью в отношении Илинэ всегда была женитьба!

Болоту стало весело и жарко. Из глаз выбило слезы благодарности, стыда, смеха над своими глупыми мыслями – сразу всего... Над женатыми ботурами всегда посмеивались холостые. Женатых в дружине была едва ли не четверть.

Вынырнув из воспоминаний, Болот неожиданно обнаружил, что мерин несет его сквозь густое плетенье кустов, сосновые перелески и еловые пади, по опасно покато камню и беспутью в сторону Скалы Удаганки.

Ни разу еще он не видел эту скалу так близко. Издалека за темным лесом не особо расмотришь, разве что маковку с вежи. От кого-то однажды слышал, будто похожа она на лицо сердитой старухи. Значения не придал – похожа, и ладно. Что ему-то с того? А тут величественный и воистину суровый лик поверг в оторопь и странное благоговение. Вспомнив древнюю, слышанную в детстве легенду о старой удаганке, вознесшейся в небо на звездном арангасе, Болот безоговорочно в нее поверил. Как было не верить, если правдой встало перед ним нерушимое тому подтверждение?!

Лицо в лицо уставилась волшебница широкими выбоинами-глазами. Чудилось, что в них, забитых снегом, блестят выкаченные белки, а неистовые зеницы просто высветлились от гнева.

Болот замешкался: каменная старуха словно уличила его в чем-то дурном и тайном. Заметив в изножье за сосной вход в пещеру, прикрытый большим валуном, вновь подивился подлинности легенды. Оставил коня и вошел внутрь... А там встал как вскопанный. Кажется, вечность стоял с открытым ртом, схожий с дуплистой сосной, что приткнулась с другой стороны к валуну. Крылатая Иллэ, великая мать табуна небесных удаганок, смотрела на него с левой стены живым сверкающим глазом и улыбалась.

Снегопад заглушал топот копыт. Конь догнал девушку на спуске. Встреча вряд ли могла сойти за случайную, но Болот уже не думал об этом. Только хотел сойти с меринка и окликнуть негромко, чтобы не напугать, как вдруг узрел на выступе склона над излучкой тропы матерого волка...

Ужас прошиб сердце, словно копьем! Хищник готовился к прыжку и не заметил всадника. Не успеть с луком, ни с чем не успеть!

– Беги!!! – что есть силы завопил взмокший Болот.

Отскочив назад, Илинэ на миг застыла на излете движения. Взмахнула руками и упала... Болот уже несся к ней бешеными скачками. На руки подхватил, не помня себя:

– Ушиблась?!

– Нет...

Зверь исчез. Брошенный конь приблизился, хрипя и покашливая от страха. Илинэ дрожала в нечаянных объятиях.

– Слава богам, – цвет лица парня почти сравнялся с рыжиной волос.

Не одно мгновение прошло, прежде чем поверил, что впрямь держит девушку в руках. Все ночные грезы разом вспыхнули в нем. Элен, Великий лес, да что там – огромная Вселенная стремительно сузилась и стала ровно с Илинэ, а она трепетала от страха. Не мог Болот выпустить из рук свой маленький пугливый мир.

Девушка ворохнулась, отстранилась мягко и рыбкой выскользнула на землю. Грудь парня ходила ходуном. Будто только что перетаскивал с места на место тяжелейшие камни, а не Илинэ в руках держал – легкую, как дитя. В пальцах упавших ладоней отдавалось эхо сердечного стука.

Мерин всхрапнул, и Болот вспомнил о волке. С благодарностью вспомнил: как-никак, волк подарил ему несколько остро счастливых мгновений. О том, откуда взялся этот зверь, найдется время подумать потом.

– С-серый, – сказал парень, заикаясь. – Был там, наверху.

Ночные и теперешние мысли пометались в разгоряченной голове и суетливой стайкой вылетели куда-то. Илинэ стояла рядом. Таких ярких глаз, темно-прозрачных и звездных, не было ни у кого. Весну отдал бы за то, чтобы видеть их перед собой еще немного, плывя вверх и вдаль к безмятежному истоку снежного изобилия. Но сознание, находящееся, кажется, где-то сзади, в затылке, встрепенулось и остерегло: подумай о девушке! Если кто-нибудь заметит их вдвоем на запретной тропе, досужие догадки, сплетки пойдут!

Болот возразил чересчур опасливому рассудку: кто попусту бродит здесь, кто в снегопаде приметит? И мысль о близости Илинэ взволновала сильнее.

Сможет ли он вести обыденную жизнь теперь, после того как ощущал в руках тепло и нежность мира? Стрелять по мишеням, словно ничего не случилось, разговаривать, спать, есть?..

Будто нарочно, мерзкий живот, в котором уж точно никогда не бывает высоких мыслей, напомнил о себе. Заворчал возмущенно: иш-шь ты-ы, что надумал – не есть!

Болот поспешно затоптался на месте. Хоть бы в скрипе снега потерялись неприличные звуки утробы! Разве у настоящего воина, привычного к голоду, урчит внутри, если от последней еды прошло чуть больше полудня? Да настоящий воин не допустит такого позорща, одним крохотным усилием воли заставит молчать надоедливое брюхо!

– Зверь не местный, – сказал Болот громко.

– Ты знаком со всеми эленскими зверями? – засмеялась Илинэ.

Он серьезно кивнул:

– Знаком. Наши волки не вредят долине. Они здесь живут.

Сняв шапку, Болот взъерошил вспотевшие волосы. Жар в голове приятно остывал. Понемногу парень овладел собой. Поглядев в сторону, заложил за спину руки. Каждый палец сохранил сегодня лучшее воспоминание.

– Я был в пещере Скалы Удаганки.

Болот почувствовал волну трепета, исходящую от Илинэ.

– Так что же? – отозвалась напряженно.

– Это ты нарисовала Иллэ?

Румяные щеки девушки покраснели еще больше. Стыдится, что изобразила существо, имеющее душу? Боится разоблачения? Опустила ресницы:

– Да... Она – моя.

– У тебя большой джогур, – выдавил он и тоже вперился в землю. Заметив ее протестующий жест, добавил: – Не бойся, никто не узнает. Люди не подходят к Скале Удаганки: ни жрецы, ни охотники. Не увидят твою Иллэ.

Илинэ подняла свои изумительные, темные от волнения глаза:

– Но ты ведь увидел?

– Я искал тебя.

– Зачем?

– Потому что... – мучительно соображал Болот, – потому что... – и едва не вскрикнул от испуга, когда конь, подойдя бесшумно, ткнул мордой в спину. Мерин был на редкость смирен, однако и его терпение было безгранично. К тому же, в отличие от них, он чуял затаившегося невдалеке волка.

Болот с благодарностью прислонился к шее спасителя, вдохнул запах терпкого конского пота. Сделал вид, что ненароком отвлекся, да и позабыл ответить.

– Может, домой отвезти? Конь возражать не станет.

– Но я буду возражать. Вдруг люди подумают неловкое.

– Тогда провожу, – настаивал Болот. – Со стороны. Снег идет, издалека не видно. Хищный зверь шастает близко, опасно же, а у меня все-таки лук.

Девушка зашагала впереди, Болот за ней, держа мерина, боязливо подергивающего ушами, в поводу. Когда у ручья за кустами завиднелись юрты Крылатой Лощины, парень молча оседлал коня и отъехал подальше.

* * *

Ворота изгороди были приоткрыты. Во дворе у коновязей стояли, переминаясь, чужие нерасседланные лошади. Из-за двери доносились незнакомые голоса. Илинэ опрометью бросилась к коровнику и едва успела скрыться за углом.

Снегопад поредел, измельчал, голоса в подмороженном воздухе слышались четко. Манихай перед кем-то оправдывался и натужно хекекал:

– Эхе-хе, конечно, кобыле без жеребца все равно что скотине без хозяина... Но не обесудьте, наша-то мала еще, жеребенок совсем...

Чей-то недовольный мужской голос процедил:

– Не то что родню перебрать до девятого колена, а и вовсе не понять, какого она рода племени, отчего лицо ее столь бело и велико глазами.

Матушка Лахса резко оборвала:

– Мы суорат с лица не черпаем, коровьего хватает!

– Что ж, поглядим, присвадается ли кто еще к тонготскому подкидышу! – задиристо произнес женский голос.

– Езжайте, не пачкайте грязью слов наш чистый воздух! – крикнула взбешенная Лахса.

Сердито хлопнула дверь. Хозяева не попрощались, не стали ждать, пока гости усядутся на лошадей и отъедут.

Илинэ с гулко забившимся сердцем привалилась спиной к стене коровника и охнула, приметив крадущегося с задворок Болота.

– Ты что здесь делаешь?

Он словно не услышал. Снял шапку и мотнул подбородком в сторону ворот:

– Сваты приезжали к вам от Кинтея.

Губы подрагивали на краснощеком лице, взлохмаченные волосы точно огнем голову охватили, еще и дымились. Нагнувшись, захватил полную горсть снега и жадно проглотил. Парню, видать, было нестерпимо жарко.

– От Кинтея? – не поверила Илинэ. – Не может быть!

– Дядька его. И женщины две из родичей, – проговорил Болот тоскливо, утирая рот рукавом. Приблизился почти вплотную. Илинэ услышала, как втянутый мощным вдохом воздух задержался в горле парня. Показалось, не совладав с собой, прижмет к себе или, чего доброго, опять на руки поднимет... Выставила вперед ладонь.

– Не ходи пока далеко от жилья, – выдохнул Болот. Откачнулся, будто напоролся на батас, а не на слабую руку. – Звери кругом.

Когда Илинэ заходила в юрту, конь чуть помедлил, развернулся и понес всадника обратно в горы. Снег снова сыпал крупно и часто.

Домм пятого вечера Недобрая ворожба

Дьоллох не дождался сестренки, уснул. Илинэ не стала будить усталого брата. Матушка, пряча глаза и вздыхая, сообщила о визите родичей Кинтея.

– Надменные, кичливые люди. Надеюсь, потому не растрезвонят об отказе, не станут парня бесславить. Обижал в детстве, а вот поди ж ты, как повернулось. Но, может, ошиблась я, и нынче люб он тебе?

– Не люб, – Илинэ обняла толстую матушку, расстроенную разговором с неожиданными гостями и руганью под конец. Лахса понюхала завитки на шее дочери:

– Вот и хорошо. К тому же он отцу родичем приходится в восьмом колене.

– Мне же, не Илинэ, – кряхтя, напомнил с лежанки Манихай. – Раньше девок не спрашивали – люб, не люб. От размера калыма согласие зависело. У этих-то, поди, неплохой выкуп. Кичливые – ну и что, зато не скаредные.

– Губы их солью обсыпаны, – ощерилась Лахса.

Вздвогнув от свирепой оглядки жены, Манихай закивал с благостной улыбкой:

– Э-э, мало слов – невкусно, много слов – горько...

Чему радуюсь: счет сватам пошел.

Растревоженная первым сватовством к дочери, матушка принялась перебирать в укладке приготовленное прошлой весной приданое. Прозвенела бубенчиками счастливой безрукавки-стерха, колокольцами поющей постели. Переложила шапки-дохи средством от моли – сухими ветками можжевельника. Добрые вещи с нужным присловьем и знаками-оберегами помогла пошить Урана, тогда еще не совсем слабая.

У двери кто-то застучал торбазами, отряхивая снег. Лахса поспешила задвинуть укладку под нары.

– Новости есть? – весело спросила с порога дочь старейшины Айана и обшарила юрту шустрými глазенками. «Дьоллоха ищет», – поняла Илинэ.

Не особым вниманием жаловал брат резвую Айану, с малых весен готовую сделаться стерегушим дэйбирем в его руке. Матушка почему-то раньше девчонку недолго любила, а теперь обращалась с ней ласково. Вот тетушка Эдэринка, Айанина мать, к Дьоллоху, напротив, стала суровее прежнего.

– Есть разные новости, – приветливо сказала Лахса. – Проходи, раздевайся, Илинэ расскажет.

– А я за нею и пришла, – затараторила Айана. – Долгунча задумала гадать сегодня, зовет посумерничать. Меня отпустили. Илинэ сможет пойти? Я с собой сушеного ситнику взяла, – потрясла мягким мешком, – циновку буду плести, чтоб не праздно сидеть. Матушка дала оленью печенку и осетра печеного – угоститься всем. Илинэ, если пойдешь, что-нибудь возьми из еды. Нас много будет. Вдруг еще парни явятся...

Выдохшись, помолчала и не утерпела:

– А Дьоллох приехал?

– Приехал, приехал, – улыбнулась Лахса. – Притомился, поел да уснул.

Илинэ глянула на матушку вопросительно. Та кивнула:

– Ладно, иди. Пенек мороженных, белой колбасы кусок в туес положи. Возьми конский волос. Веревок насучишь, за беседами впрямь незаметно. Только не шибко играйте с парнями! К ночи Дьоллоха отправлю. За тобой, Айана, пришлют?

– Сами прибегут близнецы, не запылятся! – засмеялась девочка. – Им, небось, тоже погадать интересно, ведь на днях идти в лес за имеющими кровь!

Собираясь под Айанину болтовню, Илинэ расслышала, как Манихай подивился шепотом:

– Это сколько же Долгунче весен?

– Сколько б ни было, пока одна – все молодая, – ответила матушка.

– Не человек находит любовь, сама любовь рано или поздно находит, – изрек Манихай, размягченный сегодняшними событиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.